

18+

Вадим Егоров

Сквозь века и годы

Генеалогические очерки

Вадим Егоров

**Сквозь века и годы.
Генеалогические очерки**

«Издательские решения»

Егоров В.

Сквозь века и годы. Генеалогические очерки / В. Егоров —
«Издательские решения»,

Книга Вадима Егорова посвящена его родным и предкам, генеалогическим изысканиям автора, очеркам о людях разных времен и судеб. Адресована уральским и не только краоведам, историкам, культурологам.

Содержание

Об авторе	6
Введение	7
Федор, Яким и Спиридон Жуковы	9
Кондратий Спиридонович Жуков	12
Михаил Кондратьевич Жуков — дед бабы Веры	14
Венедикт Михайлович Жуков, прапрадед	16
Лев с Анастасией и другие Чепелевы	21
Вера Венедиктовна, баба Вера	24
Агриппина и Наталья Жуковы	30
Екатерина Федоровна Горина	34
Потап Семёнович Тяжёлых	35
Семён Парамонович Тяжёлых	38
Дядя Афоня и Тётичка Тяжёлых	41
Антонина Потаповна, тетя Тося Мещерякова	46
Дядя Алеша Мещеряков и его родня	52
Мещеряков Сергей Георгиевич, родственник дяди Алеши	56
Зоя Потаповна, тетя Зоя	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сквозь века и годы Генеалогические очерки

Вадим Егоров

© Вадим Егоров, 2026

ISBN 978-5-0070-9191-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Егоров Вадим Владимирович родился в г. Свердловске (Екатеринбурге) в семье известного скульптора В. Е. Егорова. Окончил УрГУ, историк культуры, философ. Доктор философских наук. Автор научных монографий, статей, а также прозы, мемуаров. Лауреат премии «Слово к народу». В настоящее время живет в Москве.

Введение

Наверно большинство из нас интересовались, интересуются своими родовыми корнями, пытались тем или иным способом заглянуть в прошлое, подчас далекое. Такое знание о прежних поколениях укрепляет человека изнутри, помогает ощутить, осознать его единство со страной, Родиной. Конечно есть у нас и малая родина, связи с которой даже если и ушли в прошлое, тоже как -то затрагивают наши сердца. Родовые корни — это ресурс укорененности, стойкости, патриотизма. В этом, считаем, и состоит актуальность нашего проекта.

В данном отношении, узнав о предках и ныне здравствующих, но подзабытых, родных людях, хорошо полагаться не только на устную память, но и записывать наиболее важное. Кто -то скажет: «Да кому это надо, моим детям, внукам это совершенно неинтересно». Что тут ответить? Вот и вам когда -то это, может, было неинтересно, а теперь интересно. Люди взрослеют, развиваются, меняются. Да и, как говорится, аппетит приходит во время еды. А как здорово встретиться за одним столом, на одной поляне с многими нашими родными людьми, поговорить о жизненных планах, вспомнить встреченных нами в жизни ушедших родных и рассказать о них новым поколениям. Пусть даже они это забудут, но некая подоснова, заgroundовка останется и при случае забытое может восстановиться. Редко что решается, начинает развиваться с первого толчка. Чтобы овладеть каким -то знанием, умением, надо себя к этому приучить и другим помочь.

О предках и родных хорошо бы, если появляется такая возможность, не удовлетворяться некими единичными фактами, а попытаться соединить их в целостную картину, реконструировать, хотя бы гипотетически утраченные звенья. Заговорить может и отдельный факт, но когда их собрано нами не сколько, то прошлое волей -неволей оживает, и мы можем начать поочередно жить в нескольких пространственно-временных континуумах. Так на основе известного может открываться новое, неведомое нам ранее.

Автору давно хотелось собрать под одной крышей, точнее — под одной обложкой — всю хорошо и не очень хорошо известную нашу родню. Здравствующую и ушедшую. Живые и мертвые. Надеюсь, что ни те, ни другие при этом не обидятся. Как говорят искренне верующие люди, у Господа Бога нет мертвых, все живы.

Каждый человек имеет множество родственников, предков, каждый из которых — целый мир, судьба, объединенная, переплетенная с близкими, местностью, временем. Обращение к этим людям, событиям способно через родовые истории снижать удельный вес неопределенности, анонимности общенациональной истории. И не только истории, но и географии народонаселения. Когда в силу тех или иных обстоятельств наши предки, родные и близкие покидали родные края и пробовали начать новую жизнь, часто в прежде незнакомых им местах. В миграционных процессах петровская индустриализация и начавшийся накануне религиозного раскола на старую веру и новую стали основанием расширения ареала жизни русского народа. В расколе можно винить официальную сторону или оппозицию. Но в генеалогическом плане — не будь раскола и преследований старообрядцев — сколько б нас, наших родственников просто не родились. Вот оно — «человеческое измерение» истории, географии, религиоведения.

Наша цель — рассказать себе и людям о близких и дальних, молодых и старых, здравствующих и ушедших в мир иной родственниках, предках, то есть о нас самих и тех, от кого мы произошли и благодаря кому стали теми, кто ныне есть.

Конкретизируется это в задачах:

- осветить, восстановить биографии людей и жизненный путь семейств, родов;
- насколько возможно, показать личность каждого, его характер и устремления;
- показать влияние большой истории (страны, эпохи) на семейные и личные истории;
- создать своего рода свод, некий путеводитель по всем нашим родным;

— побудить здравствующих родственников продолжить данный почин, дополнив сказанное новыми лицами, событиями, биографическими данными.

Некоторые отражаемые здесь события, биографии отчасти имеют место и в книгах: «Дыхание того, что помню и люблю. Воспоминания и размышления», «Путешествие в пространстве и во времени», «Староуткинск: прошлое и настоящее», журнальных и газетных статьях, написанных мной ранее, но, во-первых, там и здесь некоторые акценты различаются, во-вторых, нами с тех пор найдена и новая полезная информация, в-третьих, здесь материал о том или ином человеке сразу, как говорится, под рукой. Некоторые публикации автора подписаны как В. Егоров -Гривский (то есть с псевдонимной добавкой по названию малой родины отца).

В тексте этой книги повествование о событиях и людях начинается с семнадцатого - восемнадцатого веков, а где-то и немного раньше, география здесь весьма обширна — Москва, Владимирщина, Поволжье, Тамбов, Вятка, Екатеринбург и Урал, Тобольск и Омск, Казахстан... Поначалу автору хотелось расположить действующих лиц по алфавиту, но вскоре стало ясно, что в таком случае целостности повествования добиться будет невозможно. Поэтому предпочтение было отдано хронологическому повествованию о людях, событиях того или иного рода, семейства. Конечно с кем-то из представленных здесь людей мы при всем своем желании не смогли бы повидаться и пообщаться, с кем-то виделись один-два раза в жизни, а с кем-то связаны постоянными контактами годами, десятилетиями. Отсюда и разные объемы материала о том или ином лице, фамилии. Думаю счастливицам, обретшим место в этой нашей с вами родовой книге, данный проект всё же понравится, а уж коли нет — создайте свой, альтернативный мемуарно-генеалогический текст, я не против. Как некогда сказал Маяковский: «Вот вам, товарищи, мое стило — можете писать сами!» На этом, дорогой читатель, вводную часть сего писания позвольте мне закончить и познакомить вас с самим повествованием. За мной!

Федор, Яким и Спиридон Жуковы (Очерк первый)

Они были в числе первых жителей Екатеринбурга, созидателей его будущей трехсотлетней истории. Тогда Екатеринбург только строился и городом из крепости -завода стать ему предстояло нескоро. Закончилась русской победой Северная война, на смену Швеции и ее сателитам пришел новый повелитель Балтийского моря и прибалтийских территорий — Россия. Теперь Российская империя и ее император по праву обращают на себя взоры всего мира. Кто смотрит с удивлением, кто с восхищением, кто с ненавистью, кто со страхом, но смотрят. России нужен металл, нужны чугуноплавильные и железоделательные заводы. Металл для изготовления орудий, стрелкового и холодного оружия, кирас, колес, кос, молотов, болтов и гвоздей, якорей, корабельных тросов и много чего другого. Урал — кладовая руд, металла. И теперь здесь уже заработали заводы, строятся новые, сюда нужны люди, много людей. И отовсюду стали со всей матушки России потянулись сюда люди, тысячи людей. В ноябре 1723 года стараниями мастеровых и работных людей, под руководством Василия Татищева и Вильгельма де Геннина был основан Екатеринбург, но нужны еще силы и средства, еще люди. И до селения Кибирево и Леонтьево тож, что находятся между Москвой и Владимиром (бок о бок с известными от В. Ерофеева Петушками) стали доходить новости о забуллившей за Уральским хребтом шумной заводской жизни. Это привлекло внимание староверов, кержаков. Дескать там, в Екатеринбурге и окрест рады каждому доброму работнику, причем «блюстителей древнего благочестия» там не притесняют, веруй и молись, как подсказывают тебе твоя совесть и сам Господь.

Часовенный столп. Кибирево. Владимирщина.

Федор Леонтьевич Жуков, р. 1692, прослышавший об Урале, думал довольно долго что да как, но не мог оставить пожилых отца с матерью, малых братьев да сестер, а теперь никто его не держит. Отец Леонтий Агапович р.1654 и мать Василиса Никитична р. 1653, честно прожив до старости свой век, отправились в Царствие небесное, их сыновья и дочери подросли и обзавелись своими собственными семьями, да и его сыновья взрослыми стали. Федор с женой тоже еще не старые, полные сил, дальняя дорога в другой край страны — за Урал — пугает, но не очень.

С женой и сыновьями Якимом р. 1722 и Нефёдом р. 1724 на попутных саях, а потом и пешком по снегу и грязи, в телегах, за деньги и Федоров новый полушубок, за отменную самогонку и два золотых кольца за несколько месяцев добрались Федор и его семья Жуковых до Катерининбурга. Радовались как дети, потом отсыпались несколько дней.

Великое дело затеяли продолжатели дел Петровых. Крепость -завод уже оформилась и на глазах росла дальше. Переселение староверов на Урал высшая власть, конечно, не благословляла, а вот местным властям при их внешней нелюбви к раскольникам нужны были новые люди, особенно грамотные и работающие.

На заводе место всем нашлось. А к старой вере поначалу местное начальство совсем не придиралось, тут большинство работного люда, да из десятников сами такие. И как так случи-

лось, что страна раскололась, вот кабы не Никон и его приспешники. Жили люди в селе Кибирево Крутецкой волости Владимирского уезда Замосковского края и молились Господу так, как их пращуры до этого шесть веков кряду и Бог им помогал! И еще Иван Василич Грозный строго -настрога запретил вносить в книги, переписанные с греческих, какие -либо исправления. Словно предвидел опасность, которая может привести к настоящему большому бедствию. А совсем давно это место, старые люди говорили, называлось Бибирево Инебожской волости Владимирского воеводства.

Во времена Ивана Грозного предком Жуковых был местный житель Сидор Хромый р. 1535?, а сын его Степан Сидорович р. 1570? получил прозвище Жук («жук, жюк») — вроде, за блестящие черные глаза да волосы. В числе его детей был Осипко, у Осипа р. 1600? сын Агапко р. 1630?, у Агапа — Леонтий, а у того с Василисой уже и Фёдор (РГАДА Ф. 350, Оп.1, Д. 64 перепись А. М. Трегубова 1710 г.). Такая вот родословная наших Жуковых между Москвой и Владимиром сложилась, а потом и на далекий Урал привела.

В ревизской ведомости Екатеринбургской слободы, проведенной по наущению Василия Никитича Татищева 1747 года записаны Жюков Федор Леонтьевич 55 лет (1692 — 1760) и его сыновья Яким 25 лет (1722) и Нефед 23 лет (1724), с пояснением, что прежде они жили в Кибирево Крутецкой волости Владимирского уезда (РГАДА Ф. 350, Оп. 2, Д. 899). Парни работали мастеровыми на Верх -Исетском заводе вместе с отцом, до конца его жизни в 1760 году (РГАДА Ф. 350, Оп. 2, Д. 908, Л. 69 об.). А потом решили, видать, заняться торговыми делами. И женились, обзавелись детьми. Яким взял в жены девушку Дуню — Овдотью Васильеву р. 1733, дочь жительницы поселка Висимошайтанского демидовского завода Матроны Васильевой.

В этом браке в 1755 г. родился сын Ванюша. А женой Нефёда стала девушка тоже по имени Дуняша — Овдотья Григорьевна Сырейщикова р. 1730, дочь жителя Екатеринбургской слободы Григория Тимофеича Сырейщикова р.1684 прапра... деда знаменитому двести лет спустя купцу 1 гильдии, благотворителю, депутату (гласному) Екатеринбургской городской Думы Федору Тарасычу Сырейщику, чей двухэтажный (позже — трехэтажный) каменный дом на ул. Уктусской (8 Марта, 23) признан памятником культурного наследия регионального значения. Но эта ветвь Сырейщиковых, сохранивших данную фамилию, боковая по отношению к нашим Сырейщиковым, ставшим по Нефёду Фёдоровичу Жуковыми. В браке Нефёда и его Овдотьи родился в 1757 году Спиридон Нефёдович Жуков, купец 3 гильдии, человек веселого, но весьма крутого нрава, оборотистый, которого в городе в его время (жаль умер рано — в 1805 г.) знали, уважали и побаивались многие. Екатеринбург в 1781 году указом матушки -государыни Екатерины Алексевны получил статус города, став центром Екатеринбургского уезда Пермской губернии (тогда — наместничества). Дети и внуки первых переселенцев из центральной России в «Каменный пояс» стали взрослыми людьми, кончался осьмнадцатый век и начинался век девятнадцатый.

Недавно на автора этих строк вышла москвичка (ныне живущая за рубежом) Ирина Никишкина, рассказав по телефону, что в семнадцатом веке, да и потом у нас с ней общие родственники — вышеназванные Жуковы. И что еще их родственники московские, переславские первой гильдии купцы, меценаты, почетные граждане, известные как собиратели произведений русского искусства. Прежде всего -почетный гражданин Переславль -Залесского Иван Петрович Свешников, друживший с И. Репиным, В. Суриковым, И. Шишкиным, братьями Васнецовыми, Коровиными и Маковскими, И. Левитаном и другими. И ныне эта коллекция, находящаяся в основном в Переславском художественном музее, относится к национальному достоянию России. Так причудливо переплелись роды наших Жуковых и Свешниковых.

Кондратий Спиридонович Жуков (Очерк второй)

Родился Кондратий Спиридонович в 1787 году в г. Екатеринбурге в семье купца Спиридона Нефёдовича Жукова. Прадед и дед его были в числе пусть и не самых первых, но первых жителей крепости -завода на р. Исеть, записанные в перепись 1747 -48 годов. Отец Спиридон Нефёдыч, р. 1757, купец 3 -й гильдии, был человеком активным, оборотистым, жители города его уважали, но в 1805 году он заболел и внезапно умер, оставив не только дело, дом и хозяйство, но, как выяснилось, немалые долги. Если б дальше жил, то расплатился бы, а так... в сорок восемь лет покинул он сей бренный мир. Кондраша, купеческий сын, в гильдию вступил, и дела его поначалу пошли, да потом ухудшились, пришлось с батюшкиными и некоторыми своими новыми долгами расплачиваться, как говорится, из последних сил. Тут уж не до жиру, не до купеческого звания, а быть бы живу. Из рядов купечества в 1807 году Кондратий Жуков вышел (об этом есть и в ревизской сказке 1811 г. ГАСО Ф. 8, Оп.1, Д. 451) и обратно уже не торопился, записавшись в екатеринбургские мещане. Потом потихоньку торговые и прочие дела его налаживаться стали. Женился, обзавелся детьми. В 1823 году был выбран от мещан города депутатом (гласным) Екатеринбургской городской Думы. Тогда депутатов -то в думе было раз -два и обчёлся. Но зато всегда на виду. И для торговли мясом, скотом это как-то помогало. Не просто торговец, а уважаемый в городе человек, избранник от «общества». С главой города Лукой Михалычем Тарасовым бок о бок дела решали, по душам говорили, с Тихоном Гилёвым, гласным от купцов — тоже.

В Екатеринбурге на Исетском заводе государь Александр 1

В августе -сентябре 1824 г. депутат К. С. Жуков по заданию думы и главы города готовил город к встрече государя императора Александра Первого (ГАСО Ф. 8, Оп. 1, Д. 570, Л. 264 об

— 266) и с этим заданием справился хорошо. Встречал лично государя вместе с главой города Л. М. Тарасовым и другими именитыми горожанами, сопровождал государя и приехавших с ним лиц в посещении окрестных старообрядцев. На государя это произвело положительное о городе, староверах. После депутатства все равно продолжал заниматься общественной деятельностью, ну и семьей. В семье выросли дочь Екатерина, сын Михаил. В 1852 -53 гг. с возрастом здоровье Кондратия Спиридоновича ухудшалось. В записях сына — Михаила Кондратьевича вставлено пару раз написанное, вроде, рукой отца. В 1855 году Кондратий Спиридонович Жуков ушел из жизни, но, возможно, это произошло и попозже.

Михаил Кондратьевич Жуков — дед бабы Веры (Очерк третий)

Наши екатеринбургские предки разысканы мной, как уже сказано, с первой половины восемнадцатого века, а их приехавшие на Урал из центральной России пращуры — и вовсе с шестнадцатого века, со времен Ивана Грозного.

Но Михаил Кондратьевич Жуков относится к нашей давней родне совсем иного рода. Его помнила внимательным, хорошим дедом моя любимая, самая лучшая прабабушка — баба Вера — Вера Венедиктовна Жукова, в замужестве Тяжёлых, мамина бабушка, родившаяся в Екатеринбурге в именины Веры — Надежды — Любви в сентябре 1892 года. При дедушке Верочка уже училась в школе.

Михаил Кондратьевич Жуков родился в 1827? году в Екатеринбурге в старообрядческой семье. Отец его при рождении был купеческим сыном, в молодости побыл и купцом 3 гильдии, но из-за материальных проблем покинул купечество и перешел в мещане. Михайлушка с детства рос сообразительным пареньком, умел довольно хорошо читать и писать, считать. В торговых делах быстро набрался опыта, дела шли неплохо.

Жил с родителями, а потом со своей семьей в собственном доме по адресу: Екатеринбург, улица Сухаревская, дом №1. С этого дома, как нетрудно догадаться и начиналась вся улица. Ныне это улица Чайковского, здесь и сейчас протекает река Монастырка, только теперь имя речки никто не помнит, она фактически стала безымянной. Дом двухэтажный, полукаменный, то есть первый этаж его кирпичный, второй бревенчатый с садом, огородом, конюшнями и службами. Миша перенял от отца и деда их дело, став торговцем мясом и скотом, по тогдашнему — прасолом. Держали и своих хороших лошадок, коров, свиней, домашнюю птицу, как и надлежало тогдашним екатеринбургским жителям со средствами. Писал крупно, не всегда разборчиво. Видимо уже немочь батюшки заставила Мишу взять бразды правления домом в свои руки. Кучер, он же дворовый человек и разнорабочий, да кухарка, нянька детей — вот, скорее всего, немудреный обслуживающий персонал дома Жуковых. Но работников по найму было больше. В домашних записях чьим-то изящным почерком (не маменькою ли Михаила Кондратьича) написано: «Господи, благослови домашний расход августа 1837 года 27 дня? 1 фунт чаю, голову сахару. 30 -го 2 фунта чаю». Была у Михаила сестра Екатерина, общались иногда.

Начиная с 1853 года Михаил Кондратьевич ведет дошедший до нас дневник, не то что уж прямо дневник, но небольшие, конспективные записи. В том числе: 1854 года мая 23 дня поступил жить Иван Тимофеевич ценою по 12 рублей в месяц». Или вот: «1855 года октября 3 дня поступил в работники вятской Ермолай». Или: «1856 года мая 4 поступил в свинопасы Матвей Волков... денег дано 3 -50, еще 3 -50, еще 3 -30 и голова чаю...»; «1856 года ноября 12 поступил в свинопасы Тимофей Чуркин...» А продавалось: «Алексею Иванычу Тарасову 10 -27 -2 -30, 5 сычугов — 2—10», «1856 марта 18 продано говядины ...на сумму 339, 67»; «1856 года... проданы кожи Ефиму Пантелеичу Селезневу числом 200 весом 310 -30 цена 8 руб. за пуд на сумму 2486 рублей». Может, в ранних записях и отец Михаила Кондратий Жуков где-то написал, почерк как будто не один.

В 1857 году апреля 21 дня Михаил Кондратьевич Жуков браком сочетался с Аграфеной Яковлевной Андреевой. В браке рождались и вскоре умирали дети. Только в 1860 году марта 11 дня родилась дочь Александра (в замужестве Соколова) и в 1861 году марта 7 дня родился в семье сын Венедикт, впоследствии отец Верочки, нашей прабабушки и дед нашей бабы Жени, Евгении Потаповны Тяжёлых. Михаил Кондратьевич и сын его Венедикт Михайлович Жуков имели предпринимательский патент и вели мясную торговлю в Екатеринбурге и окрест, о чем

написано в книге -справочнике «Екатеринбург. 1889 год» Ильей Ивановичем Симановым, десять лет до этого бывшим главой города Екатеринбурга. Семейство, вроде бы, жило дружно. Правда 16 июля 1876 года умерла мама жены Анастасия Андреевна Андреева. Да и сама Аграфена Яковлевна Жукова ушла из жизни раньше мужа, наверно в 1890 -е, иначе бы баба Вера свою бабушку запомнила.

Наш прапрапрадед прожил в общем -то обыкновенную, но достойную жизнь. Он покинул этот мир 24 мая 1903 года, понянчив внучек и увидев их растущими, быв любим друзьями и родными.

Венедикт Михайлович Жуков, прапрадед (Очерк четвертый)

Моей прабабушки Веры отец Венедикт Михайлович Жуков родился 7 (по н. ст. 19) марта 1861 года в г. Екатеринбурге в семье предпринимателя, торговца мясом Михала Кондратьевича и его супруги Аграфены Яковлевны (урожд. Андреевой) Жуковых. Положительные люди, мещане, старообрядцы часовенного согласия. Годом раньше, 11 марта 1860 родилась дочь Александра. После школы Венедикт стал помогать отцу в его торговом деле, жил с родителями в своем двухэтажном полукаменном доме по адресу: Екатеринбург, улица Сухаревская, дом №1 (ныне — ул. Чайковского). Хорошие места, рядом река Монастырка, впадающая в Исеть.

Нередко называли купцом Венедикта Михалыча, но купеческое звание эта ветвь рода Жуковых утратила в 1807 году из-за материальных проблем. Такое не было редкостью, даже давние приятели Жуковых в не одно поколение знаменитые богачи Резановы (позже Рязановы) тоже, помнится, вынуждены были перейти из купцов в мещане, хотя в купечество потом вернулись. Венедикт с отцом торговали на Главной Торговой площади, где имели официальный патент предпринимателей, а также торговали скотом и мясом за пределами Екатеринбурга, ездили по торговым и общественным делам на р. Чусовую. Венедикт Михайлович был среднего или даже невысокого роста, но довольно строен, глаза у него были ясные, серо-зеленые, говорил обычно негромко, но вразумительно. Он женился в январе 1886 года на Анне Львовне Чепелевой, род. 12 июня 1869 г., обладательнице русой косы, жившей в Старой Утке. Девушка из тоже старообрядческой семьи, поднявшейся из обыкновенных мастеровых Уткинского завода во владельцев мануфактуры (в 1900 -е в основном кожевенного профиля). Глава семьи Лев Григорьевич Чепелев р. 1825 (или 1826) немного не дожил до свадьбы дочери, уйдя из жизни 16 ноября 1885 года. В дневнике М.К. и В. М. Жуковых записано: «1885 года на 16 число ноября падали звезды». Часто говорят, что звезды падают к счастью — только успевай загадать желание, а кто-то говорит, что это означает чей-то уход из жизни. В 1887 году умерла сестра Венедикта Александра Михайловна, в замужестве Соколова, в двадцать семь лет, детей у них с мужем еще не было.

Молодая жена Венедикта Анна Львовна уехала жить в Екатеринбург, на Сухаревскую. В семье родились три доченьки Вера, р. 1892; Груша (Агриппина), р. 1894 и Таля (Наталья), р. 1897. И сохранились фотографии их детства, юности сестер барышень Жуковых. Вера вспоминала, как в детстве носила разноцветные сапожки, засматривалась на стопку плиток вкуснейшего шоколада у мамы в буфете, как пошла в школу, спустя многие годы наизусть читала стихи своей ранней школьной поры. В 1900 году мама девочек заболела и умерла, всего тридцати лет от роду.

Ранняя кончина Анны Львовны, конечно, очень опечалила не только мужа и дочек, но и ее мать Анастасию Васильевну Чепелеву, староуткинскую богатую барыню, владелицу мануфактуры. Она родилась в 1832 году здесь, в Утке. Предки мужа государственные вольные крестьяне Чепелевы Зотей Андреевич р. 1692 и сын его Андрей р. 1710 приехали на Урал ок. 1730 года из окрестностей Вятки — Подрельской волости Хлыновского уезда Вятской губернии д. Кулиговской — сначала на Невьянский завод Демидовых, а ок. 1787 г. на Уткинский завод. А ее, Анастасии предки Филипповы были туляками и знакомцами Никиты и Акинфия Демидовых, можно сказать вместе с ними поехали с нуля создавать чугунолитейную и железоделательную уральскую промышленность аж в 1702 — 1703 годах в Невьянске и потом, с 1780 -х тоже работали и жили в Уткинском заводе. В феврале 2 дня 1849 Лев Григорьевич Чепелев, 23 г., из раскольников, сочетался первым браком с девицей Анастасией, 17 лет, из раскольников, дочерью мастерового д. Шани Василия Филиппова. Поручитель по невесте Петр Василье-

вич Филиппов (брат). Кто не знал в Уткинском заводе старшего плотинного мастера Василия Филиппова, в 1850 году, во многом спасшего завод от прорыва плотины и затопления? В том же 1850 году в молодой семье родился первенец Феденька. Но вскоре радость сменилась горем — младенец умер. Лев и Анастасия были разбиты, еле нашли силы выжить. Заказали своим родственникам, известным впоследствии уткинским (ранее невянским) иконописцам Василию и юному сыну его Трефилию Филатовым иконы «Утоли моя печали» (Богоматерь с младенцем) — небольшую в медном окладе и большую в окладе шитом камнями и жемчугом. Позже скорбь стала понемногу отступать в прошлое. В семье родились сыновья Иван, Федор второй, Максимилиан, Киприян, все потом ставшие предпринимателями, купцами, членами комиссии при губернаторе по помощи погорельцам. В семейном нашем фотоархиве есть фото В. Метенкова 1910? г., на котором видим пятидесятилетних Ивана Львовича и жены его Елизаветы Дмитриевны Чепелевых, у них своих детей не было и они удочерили девочку Татьяну. В 1919 Иван Львович с женой ушел с отступавшей из Екатеринбурга белой армией. Вернулся после гражданской войны домой (ГАСО Ф. Р -511, Оп. 1, Д. 83, Л. 1: Буржуазия. Чепелев Иван Львович) в Старую Утку. Жили с женой не в доме, уже конфискованном новой властью, а в подвале своего бывшего магазина. В белой армии воевал и прапорщик Кирилл Федорович Чепелев, р. 1890, сын Федора и племянник Анны Львовны, пропавший из виду семьи в 1918-19 гг. Мать Анны Анастасия Васильевна Чепелева ушла из жизни 21 октября 1909 года в Старой Утке. Но вернемся к самому Венедикту Михайловичу Жукову, оплакавшему кончину в 1900 году кончину молодой Анны Львовны, супруги и мамы его дочек.

О Венедикте Михайловиче и его отце Михаиле Кондратьевиче, их адресе и деятельности можно прочитать в большой книге «Екатеринбург. 1889 год», написанной бывшим в 1884 — 1894 гг. главой города И. И. Симановым, который потом через родню Тяжёлых станет и нашим Жуковым дальним родственником. «1898 февраля 22 куплен жеребёночек со звездочкой 2 лет... ценою 70 рублей и того же года продан Илье Ивановичу Симанову ценою 135 рублей. Неплохая, видать, сделка и Симанов пока что не родня.

Дружили Жуковы, несмотря на очевидную разницу в доходах, с Григорием Ивановичем Рязановым, р. 1860, и двумя его сестрами. Они жили, кроме Екатеринбурга, подолгу в Дрездене. В нашем фотоархиве есть фото Г. И. Рязанова с сестрами, 1895 г., подаренному Анне Жуковой.

В 1901 году января 19 дня Венедикт Михайлович Жуков сочетался вторым браком с девицею Анной Григорьевной Кондратьевой. От роду было невесте 21 год 6 месяцев. 1 мая 1909 года брак был записан в метрическую книгу. Анна Григорьевна — вторая жена Венедикта, тоже Анна, стала для девочек не мачехой, а по сути второй мамой, доброй и заботливой. На большом семейном фото 1912 г. мы видим Венедикта Михайловича с Анной Григорьевной, дочерью Грушей и дочерью Верой с мужем Потапом.

В январе 1909 года Вера Венедиктовна Жукова вышла замуж за молодого красавца, богача Потапа Семеновича Тяжёлых, р. 1882. Он сын екатеринбургского предпринимателя Семёна Парамоновича Тяжёлых, р. 1837, владельца дома на Покровском проспекте, на углу с ул. Солдатской (ныне Малышева — Красноармейская, где тц «Антей») и его жены Марии Филимоновны. В семье Потапа и Веры, теперь тоже Тяжёлых родились четыре дочери — Зоя 1910; Евгения 15.12.1912 (н. стиля); Антонина (Тося) 26. 06. 1914 (н. стиля); Нина 1919 и сын Георгий 1911. Это уже внуки и внук Венедикта Михайловича Жукова, они все с фамилией Тяжёлых. В 1909 году 30 октября во втором браке Венедикта Михайловича родился сын Павел.

Груша, Агриппина Венедиктовна, средняя дочь Венедикта Михайловича в 1910 году вышла замуж за тагильчанина Федора Федоровича Железкова. Это фамилия в Нижнем Тагиле и Верхотурье в то время известная. Внук верхотурского купца второй гильдии Железкова Антона Прокофьевича, р.1833, владевшего мыловаренно -свечным (свечной завод) и маслобойными заведениями. И бакалейную, и прочую торговлю вел Антон Прокофьевич до 1910? г.,

потом сыну и внуку всё это передав (ГАСО Ф. 111, Оп. 2, Д. 199, Л. 719; ГАСО Ф. 643, Оп. 2, Д. 406. Л. 91). Железков Яким Парфенович, тоже близкий родственник Федора, владел медно-кузнечным предприятием в Н. Тагиле, изделия из меди, выпускавшиеся здесь, расписывались местными мастерами, участвовали в выставках, в том числе в Нижегородской выставке 1896 года (НТГФА Ф. 36, Оп. 1, Д. 823, Л. 25). В семье Железковых в 1913 г. родилась внучка Екатерина Федоровна, потом в замужестве Горина, жена главного инженера, красивая обаятельная тетя Катя, потомки которой живут за границей.

Помимо своих торговых дел, в которых Венедикт Михайлович Жуков был, честно говоря, не очень -то успешен (в отличие, скажем, от новых родственников Тяжёлых), он по линии старообрядческой деятельности вел общественную деятельность, будучи старостой общины или кем -то вроде этого. Его знали, уважали в городе и старообрядческом сообществе. В 1905 году, 17 октября под натиском общественных протестов, революционных сил государь император Николай Второй издал «Манифест», где объявлялась на территории всей страны свобода вероисповеданий. Отныне уже давненько не преследовавшееся старообрядчество было и де -юре было признано. Потом, правда, царь манифест сей отменил, но старообрядцы, коих на Урале и в Екатеринбурге было едва ли не большинство, уже считали себя совершенно законной силой. Начинались столкновения революционеров с властями, казаками, в том числе — на Кафедральной площади, получившей по этой причине уже в советское время наименование площади Пятого года. Помимо маевки, демонстраций, листовок, усилились и беспорядки иного рода — уголовные. «1907 года августа 9 -го убит от руки кучера и в колодец спущен Василий Спиридонович Потапов», — читаем мы запись Венедикта Михайловича. Это не просто информация, а примета времени, с точки зрения автора дневника — нарастающей в городе и стане смуты. Василий Потапов, хоть и был купцом 2 -й гильдии, на деле капиталы имел большие. Его усадьба у Царского моста была городу хорошо известна. Потапов был Жуковым можно сказать соседом и давним знакомцем. Поэтому и написано в дневнике всё это с приметами искреннего сочувствия — 1907 год, слово «убит» и фамилия «Потапов» обведены. На фото 1912 г. Венедикт Михайлович со своей второй женой Анной Григорьевной и дочерью Верой, за ними муж Веры Потап и сестра Груша (Агриппина).

Жуков Венедикт Михайлович с семьей. 1912

Революцию февраля 1917 года В. М. Жуков встретил вполне положительно, хотя и государя искренне уважал. А Октябрь и большевиков не принял. Потом началась гражданская война, город был взят белочехами, колчаковцами. В дневниковых записях тогда Венедикт Михайлович написал: «1918 года июля 12 — свержение большевизма советской власти чехами, большевизм существовал 8 месяцев в Екатеринбурге». В 1918 году замуж вышла младшая дочка Венедикта Михалыча Таля, Наталья Венедиктовна. Муж ее Роман Гаврилович Шляпников, р. 1890, потомок жителей Шарташской слободы был перспективным молодым фотографом. Это он купил у известных фотохудожников братья Козловых (Н. И. Козлова и др.) респектабельное фотоателье «Рембрандт». Но потом война затянулась и советская власть победила. Ателье «Рембрандт» на Покровском проспекте было национализировано, а Талья Жукова, теперь уже Шляпникова, умерла в 1921 году, тогда многие умирали. Жуковы Венедикт Михайлович и Анна Григорьевна давно уже жили не в большом двухэтажном доме на Сухаревской, а в маленьком бревенчатом доме на углу улиц Тверитина и Мичурина, где позже трамвай делал поворот к Центральному парку культуры и отдыха имени В. Маяковского. После гражданской войны дочь Вера потеряла своего красивого и успешного мужа Потапа Семеновича Тяжёлых, ушедшего с белыми курсом на Сибирь и пропавшего там без вести. Он видимо в конце 1919 году умер от тифа где-то под Омском, но семья в это отказывалась верить и ждала.

Брат Потапа, Афанасий Семенович Тяжёлых, р. 1876 с супругой Анастасией Павловной уговаривал всех ехать подальше от большевиков — в г. Петропавловск, ставший позже казахстанским. Они не имели своих детей и выпросили с собой до лучших времен Верину дочку Тосю. Увезли ее с собой на десять лет весьма счастливой и уютной жизни. Там Афанасий Семенович сдружился семьями с местным крупным предпринимателем и широкой русской души человеком Иваном Ефимовичем Королевым р. 1871 г., незаслуженно забытым организатором

производства что называется от бога, создал при его содействии в нэповское время ватную фабрику и трастовую компанию «Товарищество Тяжёлых на вере». Но диктатура пролетариата добралась и туда, пришлось Афанасию Семеновичу с Анастасией Павловной и пятнадцатилетней Тосей возвращаться, не солоно хлебавши обратно в Екатеринбург, уже ставший советским Свердловском.

Вера, чтобы прокормить семью из барынь, пошла работать в больницу санитаркой, потом сестрой -хозяйкой. У ее сына Георгия обнаружилась эпилепсия. Замуж больше не пошла, хоть и красавицей была, посвятила себя детям. От их дома новая власть оставила Вере Венедиктовне с пятью детьми только четвертушку разгороженной на четыре части залы, но потом и оттуда пришлось убираться на Обсерваторскую горку. Верин брат Павел р. 1909 г., единственный ребенок Венедикта Михайловича от второго брака жарким днем 13 июля 1928 года решил искупаться и утонул. Трудно описать горе Венедикта Михайловича с Анной Григорьевной, все это переживших. На дому у Жуковых собирались свердловские староверы, в том числе и сестры Рязановы. Григорий Иванович Рязанов эмигрировал, он прожил долго и умер в 1940 году в оккупированном немцами Париже. Одна из сестер попала под поезд и лишилась ноги или даже обеих ног, и пожилая чета Жуковых помогала ей чем могла. Жила с ними потом и верина младшая дочка Нина, очень любившая дедушку и бабушку, которую нежно звала «бабинькой». Венедикт Михайлович Жуков состарился. «Дедушка, — вспоминала внучка Евгения Потаповна, — был с хорошим характером. Борода, усы, невысокого роста. Любил повозиться в саду, огороде. Дом у него был маленький. В доме маленький буфет и стулья с круглыми спинками: похожие на венские, но не венские. Несколько красивых икон деревянных и в ризах, с лампадками. Жили они с бабушкой Анной Григорьевной дружно, были гостеприимными». Он ушел из жизни в семьдесят три? года, году в 1934 -м?, а может и раньше — в 1930 -м или в конце двадцатых. Прожил бы, конечно, и дольше, да жизнь наступила какая - то ему неподходящая. Его жена Анна Григорьевна жила здесь до конца ее дней ранней весной 1956 года.

Лев с Анастасией и другие Чепелевы (Очерк пятый)

Моя любимая баба Вера, прабабушка, мамина бабушка, осветившая, как солнечным светом, мое детство происходила по линии отца Венедикта Михайловича Жукова от первых (первой половины восемнадцатого века) жителей Екатеринбурга (до приезда на Урал были края владимирские еще с времен Ивана Грозного и раньше). А вот бабы Верина мама Анна Львовна Жукова (1869 -1900) — была с Чусовой, из рода Чепелевых, дочь Льва Григорьевича и Анастасии Васильевны — поднявшихся из мастеровых до владельцев мануфактуры. Эту ветвь тоже удалось мне проследить от начала восемнадцатого века земли вятской.

В переписи 1733 г. мастеровых Невьянского завода воеводы и полковника Ф. Толбузина сообщается о выходцах Хлыновского уезда Подрельской волости д. Кулиговской государственных крестьянах (то есть свободных, не крепостных) Зотее Андреевиче Чепелеве р.1692 и сыне его Осипе Чепелеве р.1710 (РГАДА Ф. 248, Оп. 22, Кн. 1504; ГАСО Ф.39, Оп.1, Д.35). Андрей Осипович р. 1745?, продолживший дело деда и отца демидовским мастеровым по найму, имевший сына Семена Андреевича Чепелева р. 1765? жили и работали уже не в Невьянском, а в Уткинском заводе. Дело в том, что 29 января 1774 года отряд войска Емельяна Пугачева во главе с Иваном Белобородовым захватил Уткинскую слободу, и 200 местных жителей были приведены к присяге «истинному государю Петру Федорычу». 2 февраля пугачевцы штурмом взяли хорошо защищенный, но вяло защищаемый Уткинский завод. Провели еще несколько успешных боев в окрестностях, но вынуждены были отступить и к концу февраля официальная власть в Утке была восстановлена. Демидовым пришлось после таких дел многое переустроить, участвовать в суде и осуждении в острог, на каторгу перебежчиков к мятежникам. И, как бы сказали ныне — укрепить кадровый состав завода новыми, перспективными, заслуживающими доверия работниками.

Так мастеровой Андрей Осипович Чепелев с семьей, детьми, в том числе — с сыном Семеном, оказался в Уткинском заводе. В 1782 году в переписи среди невянцев они уже не значатся. Семен Чепелев стал работать вместе с отцом, сам стал отцом Фирса р.1800, Григория р. 1803 и Степана р. 1826 (Чепелевы из Старой Утки (Земля Уральская) // Шалинский вестник. 2022. №25 (11287), 7 апреля.

В семье Григория, умершего в 1840 г., родился в 1825 (или 1826) году родился и вырос Лев Григорьевич Чепелев, браком сочетавшийся в 1849 г. с Анастасией Васильевной р.1832 — дочерью авторитетного на заводе плотинного мастера Василий Филиппова. В феврале 1850 года в молодой семье родился первенец Федор, только порадовались, как через 2 месяца, 28 апреля того же года малыш умер «от колики» (ГАПК Ф. 37, Оп. 3, Д. 174, Л. 100). Родители очень горевали, заказали даже родственникам, здешним иконописцам, отцу и сыну Василию и Трефилию р. 1836 Филатовым небольшую икону богородицы с младенцем «Утоли моя печали», в медном окладе, а впоследствии еще и одноименную большую, в окладе, шитом жемчугом, с дорогими камнями.

В дальнейшем в семье родился сын Иван р. 1857?, второй Федор р.1858?, Киприан, Максимилиан. Дочь Анна родилась летом 1869 года.

В 1886, января, 8 дня дочь Льва и Анастасии Чепелевых Анна вышла замуж за екатеринбуржца Венедикта Михайловича Жукова р. 1861 и сама стала екатеринбурженкой Анной Львовной Жуковой. Отец ее совсем немного не дожив до свадьбы дочери, он умер 16 ноября 1885 года. В браке Анны с Венедиктом родились дочери Вера р. 1892, Агриппина (Груша) р. 1894, Наталья (Талья) р. 1897 — три сестры -барышни Жуковы. Старшая из сестер Верочка Жукова, в замужестве Тяжёлых стала матерью пятерых детей и потом нашей любимейшей

бабой Верой, прабабушкой по материнской линии автора этих строк. В 1900 г., 3 сентября мама трех сестер Анна Львовна умерла в возрасте тридцати лет, а в следующем году Венедикт Михайлович Жуков женился второй раз.

В 1880 — 1890 -е семейство Чепелевых благодаря трудолюбию, разумной деловой стратегии, удаче добились несравнимого с прежним социального статуса и благосостояния. На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков в окрестностях прекрасной Чусовой Чепелевы играли весомую роль. О них писала губернская печать, они помогали людям. В газете «Пермские губернские ведомости» 1893, №87 написано о «купцах, членах Комитета в помощь погорельцам при Пермском губернаторе» Федоре, Максимилиане и Иване Чепелевых. В справочнике «Вся Россия» за 1900 год. фигурирует владелец Уткинского кожевенного предприятия Иван Львович Чепелев. В торгово -промышленном справочнике «Вся Россия» за 1905 год Анастасия Васильевна Чепелева и Федор Львович Чепелев записаны как «владельцы мануфактуры».

И.Л. и Е.Д. Чепелевы, купцы. 1900 -е

Иван Львович и жена его Елизавета Дмитриевна родных детей не имели, но удочерили девочку Таню р. 1892, с потомком которой мы недавно переписывались. Он прислал дореволюционное фото этой пары, уже в годах, снимал известный екатеринбургский фотограф Вениамин Метенков. На обороте от руки написано «купцы первой гильдии Чепелевы». Насчет первой гильдии сказать что -то пока не могу, но лица приятные и люди по виду уверенные в себе, умные, обеспеченные.

Анастасия Васильевна Чепелева в 1909 году, 21 октября закончила свою земную жизнь. В годы Первой Мировой войны воевал на фронте Кирилл Федорович Чепелев р. 1890, прапорщик, сын Федора Львовича. Воевал потом молодой офицер и белой армии, но после 1918 года дальнейший его боевой и жизненный путь нам неизвестен.

Летом 1919 года под натиском красных белые войска оставили Екатеринбург и его окрестности, отступая в Сибирь, в направлении столицы «верховного правителя России» адмирала Колчака — Омска. С отступающими белыми войсками покинули родные края и Иван

Львович Чепелев с Елизаветой Дмитриевной и приемной дочкой. После поражения белых потянуло вернуться домой. Чепелев Иван Львович фигурирует и в советском, начатом в 1919 году документе Екатеринбургского отдела управления губерний «Списки лиц, возвращающихся из поездки с Колчаком: Буржуазия» (ГАСО Ф. Р -511, Оп.1, Д. 83, Л. 2).

Вернулись Иван Львович и Елизавета Дмитриевна Чепелевы в Старую Утку, но их дом, имущество были конфискованы. Жили эти уже совсем не молодые, известные всем люди в подвале своего бывшего магазина. О других членах семейства в те годы нам выяснить пока не удалось. Но надеемся, что дальнейшие наши поиски прольют свет на жизненный путь этих и связанных с ними людей.

Недавно списались со мной оказавшиеся родственниками по чепелевской линии Павел Евдокимов, Евгений и Марина Грига. Немного контактируем, правда, на расстоянии.

Вера Венедиктовна, баба Вера (Очерк шестой)

В моей жизни баба Вера, мамина бабушка и моя прабабушка Вера Венедиктовна Тяжёлых, до замужества Жукова, занимает особое место. Я любил ее настолько, что не представлял своей и нашей семьи жизни без нее, после нее. Она родилась в г. Екатеринбурге в 1892 году, 24 сентября (6 октября по новому стилю) в канун именин Веры, Надежды и Любви и наречена, крещена Верой. Отец ее Венедикт Михайлович Жуков, р. 7 марта 1861 был потомком первых жителей Екатеринбурга, староверов, вполне образованным и интеллигентным человеком. Он вел в городе мясную торговлю, имел на это патент на главной Торговой площади. Его называли купцом, хотя купцами третьей гильдии были только его дед и ранее и прадед до 1808 года, но из-за материальных проблем Жуковым пришлось отказаться от купеческого звания и уйти просто в мещане (такое было в порядке вещей). Верина мама Анна Львовна Чепелева р. 16 июня 1869 была тоже из семьи староуткинских староверов, потом ставших владельцами Уткинской мануфактуры.

В 1900 году тридцатилетняя жена Венедикта Михайловича Жукова, мама Веры, Груши и Тали Анна Львовна умерла. Для всех, конечно, это был удар. Тем не менее в следующем 1901 году Венедикт Михайлович женился вновь на девице Анне Григорьевне Кондратьевой р. 1879, тоже Анне. Эта Анна вторая, став мачехой, была внимательная и добросердечная, она стала любящей женой и для девочек второй матерью. Впоследствии и внуки ласково звали ее «бабинькой». О юности трех сестер-барышень Жуковых в нашем домашнем архиве есть фотографии. Вера становилась девушкой с гибким станом, черными пышными волосами и глубокими темными глазами. Прямо как знаменитой песне на слова Некрасова: «На тебя заглядеться не диво, полюбить тебя всякий непрочь. Вьется алая лента игриво в волосах твоих черных, как ночь!» Кстати в ту пору, да и потом Вера эту песню любила напевать.

А 11 января 1909 г. в воскресенье Вера вышла замуж за высокого, красивого, молодого, хоть и на десять лет старше (тогдашний стандарт) и при этом состоятельного Потапа Семеновича Тяжёлых. Он вел торговлю лошадьми, приобретаемыми в Манчжурии, был председателем правления Товарищества русско-манчжурского лошадного промысла, торговал домашним скотом и мясом. Владел кроме немецкого и французского китайским и монгольским языками. Внешностью напоминал скорее какого-то графа генуэзского времен чинквиченто или испанского, чем русского скототорговца. Вера носила дорогие платья со шлейфом, котиковые манто, ездила в роскошных тройках. При этом помогала мужу, нередко вместе с прислугой готовила праздничные блюда, катала пельмени. Одна из домработниц, вроде бы Марушка, спустя десятилетия с теплотой об этом вспоминала. Называла барыню Верочкой. Летом 1911 года впервые увидели с балкона летящий над городом аэроплан «блерио», вот сейчас пролетит над ними: «Ой, щас нашу трубу сшибет!» — вскрикнула Марушка. Пилотируемый авиатором А. Васильевым, аэроплан описал над городом четыре круга, приземлившись там, откуда и взлетел.

Сестры Вера и Талья (Наталья)

В семье родились и росли дочери Зоя р. 1910, Женя, р. 1912 (наша баба Женя), Тося (Антонина) р. 1914, Нина, р. 1919 и сын Георгий. р. 1911. Семья была очень дружной. Жили в собственном двухэтажном полукаменном доме с красивым садом, конюшнями на ул. Спасской (позже — ул. Степана Разина), 27.

Потап Семенович вел и общественную деятельность как член совета Успенской старообрядческой общины Екатеринбурга. Нельзя сказать, что он был истовым старообрядцем и вообще сильно верующим, но веру и традиции предков действительно чтил.

1917-й год (и время сразу за ним) очень отразился на жизни семьи Жуковых -Тяжёлых. Февраль встретили с надеждами. А Октябрь, отменивший религиозные праздники, религию и веру, не приняли. Потом началась гражданская война. Летом 1919 года под натиском красных войск белые вынуждены были покинуть Екатеринбург и Урал, отступая вглубь Сибири, к Омску. Потап Семенович сам напросился вольноопределяющимся в белую армию, его не брали, дескать, в тридцать семь лет поздно службу начинать, да и сердце начало шалить, и слишком богат для обычного солдата, но он настоял, добился. И в том же году где-то под Омском пропал без вести, видимо умер от вспыхнувшего там тифа. Вера Венедиктовна осталась с пятью детьми на руках. Помогли, сколько могли, брат мужа Афанасий Семёнович Тяжё-

лых р. 1876 (дядя Афоня) и его жена Анастасия Павловна р. 1886, уговаривал ехать с ними в Петропавловск (позже — северный Казахстан), выпросили взять с собой одну из дочерей Веры и Потапа — Тосю. Когда красные входили в город, Вера Венедиктовна глянула в окно, и чья-то пуля пробила стекло и в паре сантиметров над ее головой со свистом вонзилась в печь. Повезло, а то бы пятеро детей враз осиротели. Потом, с 1919 по 1922 гг. жила Вера Венедиктовна с детьми и в Петропавловске, ездила в Москву посмотреть как там живется, но потянуло в родной Екатеринбург. Приехали, а их родной дом стал сплошной коммуналкой разных квартиросъемщиков. Даже зала была разделена фанерными перегородками на четыре части. Вере с детьми досталась только одна четвертушка. Люди были разные, в том числе хорошие люди Гребневы, у них сын был ровесником Жени и ей, вроде бы, нравился. А была плохая, но активная, скандальная Людка Гребёнкина, которая никак не понимала что бывшая хозяйка дома госпожа Тяжёлых здесь делает. И году в двадцать седьмом семью Тяжёлых выселили из их же дома в домишко на Обсерваторской горке, потом и из него в другое место. Работала Вера Венедиктовна в больнице санитаркой, затем — медсестрой -хозяйкой. Стирала и потом полоскала в холодной воде Исети больничное белье.

В тридцатые годы жить стало как -то чуть легче: в 1931 г. вышла замуж Женя, в 1932 и 1939 у нее с мужем Германом Борисовичем Клоповым р. 1906 родились дети Виктор и потом Лиля. Тося с дядей и тетей вернулись в родной город, младшая дочь Нина окончила зубо-врачебную школу, работала зубным врачом, помощником директора этой школы, в 1937 была избрана от Свердловской области делегатом 1 -го Всероссийского съезда работников Медсантруда в Москве. Вышла замуж за коменданта Уралмашзавода Петра Котолупенко старшая дочь Зоя, вскоре ставшая мамой сына Эдика. Правда в тридцатые же были и болезненные потери: скончался Верин папа Венедикт Михайлович Жуков, Анна Григорьевна (бабинька) жила в домике на повороте трамвая с ул. Тверитина на Мичурина к парку Маяковского с внучкой Ниной; в 1937 от тяжелой болезни скончался добрый старший брат мужа Афанасий Семенович Тяжёлых (дядя Афоня) и жена его Анастасия Павловна (тетичка) по просьбе бабиньки тоже переехала сюда же жить. У Венедикта Михайловича с Анной Григорьевной вырос красивый, энергичный сын Павел, но еще летом двадцать восьмого он захотел искупаться и утонул, поэтому всю любовь и заботу бабинька обратила на внучку Нину (хоть и не родную, но как самую родную). Единственный сын Веры Венедиктовны и Потапа Семеновича Георгий Тяжёлых вырос человеком добрым, положительным, но, к сожалению, не здоровым. У него была довольно сильная эпилепсия, поэтому (несмотря на все его старания) с работой у него не ладилось: поработает немного и приходится увольняться, а на пенсию по инвалидности едва сводишь концы с концами.

В июне 1941 г. началась война. Нина и ее избранник врач -хирург Саша Пластов ушли на фронт в составе 153 -й стрелковой дивизии (позже — 3 -й гвардейской). Вера Венедиктовна в войну работала на ставшем оборонным Машиностроительном заводе имени В. Воровского, на складе технической продукции. Часто приходилось ящики с патронами, снарядами вручную носить, иногда и на спине. В Свердловске в начале войны было весьма голодно. От истощения был еле жив сын Георгий (в детстве во время игры он упал с сарая, и с тех пор его мучали эпилептические припадки). Перед самой войной, в тридцать лет он женился, у них с женой родились двойняшки — девочка и мальчик. Бедствовали очень. Георгию приходилось просить о помощи у семьи. «Зоинька, — просил он, — нет ли у тебя чего -то покушать». Семья помогала, но история повторялась... Он умер от истощения, потом умерли и его груднички. В январе 1943 под Ростовом -на -Дону от бомбежки получила в операционной медсанбата смертельное осколочное ранение Нина Тяжелых, ей шел только 24 -й год. С ней рядом были другие военврачи, медики, они тоже погибли. В Белоруссии героически погиб главврач подпольного госпиталя в белорусских Высочанах Нинин муж Александр Пластов.

И другая родня Веры Венедиктовны работала в те военные годы, не жалея сил, на приближение Победы над врагом. Вера Венедиктовна в канун победы была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 -1945 гг.».

После сорока лет работы Вера Венедиктовна в конце пятидесятых вышла на пенсию в пятьдесят рублей. И получила комнатку в восемь метров на первом этаже желтенькой пятиэтажки на остановке «Мясокомбинат», на улице Титова. Даже и до выхода на пенсию беззаветно помогала дочерям растить внуков. Потом и правнуки появились. Первым стал родившийся в августе пятьдесят восьмого у Жениной дочки Лилии и ее мужа художника Володи Егорова сынишка Вадик Егоров, автор этих строк.

«Вадюсенька, пойдем,» — звала она, и я с удовольствием шел с ней по проспекту Ленина, погулять во дворе и окрестных дворах или на улице Вайнера, площади Пятого года. Она приходила к нам каждый день на весь день со мной водиться.

Как -то я приехал в квартиру, где прабабушка жила. На кухне на стене висел видимо взятый из «Огонька» цветной портрет маршала Жукова, какого я никогда не видел, в победном парадном стиле, опирающимся на кавалергардский палаш. Познакомился с ее соседом - охотником, кажется Федором Михайловичем, показавшем мне свои муляжи уток. Подсадные утки!) Всё мое детство почти круглосуточно проходило на глазах у бабы Веры. Разные эпизоды и сейчас передо мной ярко, во всей красе... «Приехали!» — радостно воскликнула баба Вера, когда из заграницы вернулись мама и папа, такие молодые и красивые, я к ним прильнул.

А когда летом шестьдесят второго года меня определили в детский садик (№60 Октябрьского района) на Ленина, 58 — Восточная, то там был карантин и мы с бабой Верой брали садичное питание к нам домой. И мы шли с любимой моей бабой Верой с зеленой кастрюлей в авоське. Идем через мост, по которому проходят поезда. Тогда и потом еще часто паровозы ходили.

Баба Вера. 1960-е

Читала мне баба Вера книжки -раскладушки, сказки «Пойди туда — не знаю куда. Приноси то — не знаю что» и более серьезные «Рассказы о Чапаеве». Потом я и сам с книжки «Сказки Андерсена» сам научился читать, но еще какое -то время книги потолще типа книги Куна «Легенды и мифы Древней Греции», «1001 ночь» просил почитать за компанию со мной и бабу Веру. Какое это удовольствие. Перед первым моим классом баба Вера читала наизусть еще свои школьные стихи, в одном из которых маленькая девочка, водя пальчиком по строчкам, вслух прилюдно где -то на открытом пространстве читает, а наши простые люди с интересом ее слушают. А в другом стихотворении дед получил письмо из города от внука: «Что -то пишет внучек надо деду знать, только не умеет сам он прочитать...» И в мае шестьдесят восьмого «Неуловимые мстители» мы с бабой Верой посмотрели в кинотеатре «Искра». Она некоторые слова произносила по -старинному «одне» и еще что -то. Как у Пушкина: «Только вёрсты полосаты попадаютсЯ однЕ». В церковь она ходила в красивом старинном тканом шелком узком поясе с небольшой бахромой на концах. На мой вопрос ответила, что тут на поясе вытканы слова молитвы. Иногда вспоминала своих родителей, мужа, погибшую на фронте младшую дочку Нину. Рассказывала, какие до революции были слойки нежные, действительно слоями, апельсины красные («корольки»), сахар клубничный, клюквенный, лимонный и так далее. Давно став, как все, советским человеком, она была при этом искренне и глубоко верующим, сохранила в глубине души ностальгию по царскому времени своего детства и потом — юности, молодости. Помчалась смотреть в «Искре» документальный фильм «Русское чудо», поскольку там показывали Николая Второго и его семью на фото и в кинохронике. Всех друзей знала по именам и отзывалась всегда по -доброму, как, впрочем, они того и заслуживали. Полюбила мою младшую сестру Лену и тоже с ней, как говорила, водилась. И опять читала Лене, играла с ней, своей правнучкой. И о моей мамы брата дяди Вити Тяжёлых сынишке Юрке говорила. И о своей старшей дочери внучке Алёшке с нежной забавностью рассказывала. Трое внуков, четверо правнуков. Не сказать, что много, но все хорошие. Всегда виделась, душевно общалась всю жизнь со своими дочерьми. И они всегда сердечно любили свою маму. Я хотел, чтобы любимая баба Вера никогда не уходила в мир иной, всегда жила на белом свете. В семьдесят втором году ей исполнилось восемьдесят, а она была такой же, как и раньше. Дружила со своей ровесницей или чуть постарше Фелицатой, с Александром Викуловичем Ульяновым, тоже из семьи давно известных и ее семье дореволюционных екатеринбургских староверов. Наверно 12 февраля я пришел из школы, дома на Бажова, 99 была баба Вера, с мамой мы съездили в поликлинику и она снова ушла на работу в университет, по какому -то делу раньше обычного папа мой скульптор Егоров. И баба Вера вдруг протянула ему руку на прощание со словами: «Вовочка, прощайте, не увидимся больше, я умру.» — «Ой, да что Вы такое говорите, Ваба Вера!» Она только пару дней дома немножко поболела. 16 февраля утром позвонила дочери тете Тосе: «Тосинька, приезжай мне плохо». Тетя Тося приехала довольно быстро, вызвала неотложку, те поставили бабе Вере укол и только медики вышли из квартиры, она повернулась лицом к стене, что -то хотела сказать, но не смогла, и она умерла. Тетя Тося чисто по инерции выбежала за неотложкой, но те были уже далеко. Нас всех как громом поразила эта горестная весть. Приехали потом к бабе Вере домой в ее маленькую комнату на первой этаже желтенькой хрущевки на Титова. Она лежала среди своих икон какая -то просветленно -спокойная, и словно чуть улыбаясь, словно увидела Господа. Ничего уж не скажешь, истинная праведница. Рядом сидевшая в платке и очках старушка по старинной книге читала молитву. На отпевание в церкви родители, дочери бабы Веры, дядя Витя и другие поехали без меня. Да я и сам так хотел, чтобы любимая моя бабушка осталась в моем сердце живая. И в небе, у Господа Бога, говорят ведь, мертвых нет, все живы. Бабу Веру схоронили в четырнадцатой секции на Широкой речке. Как ориентир фамилия захоронения у края вдоль дороги Горина. И у нас в родне есть такая фамилия, но это только однофамильцы.

На девятый день с мамой, бабой Женей... собрались мы в квартире тети Тоси. Пришел и давний приятель бабы Веры Александр Викулович Ульянов. Хороший худощавый старичок в очках, с синей изолентой на дужках. Он был, как выяснилось, младше бабы Веры, но знал лично и отца ее, и мужа. Когда речь зашла о Потапе Семеновиче, он по-доброму, но вроде с чуть заметной иронией проговорил: «Ну, Потап Семенович человек был современный». Видимо уважающий старообрядческую веру, но совсем не ортодокс, не чуждый и официального православия и других «современных» веяний. При том, что в шестнадцатом-восемнадцатом годах он был членом Совета Успенского храма (часовни) в Екатеринбурге, что было знаком высокого доверия сообщества. А в девятьсот одиннадцатом году Потап Семенович и Викул Иосифович Ульянов (отец нашего собеседника) были инициаторами и участниками проведения Первого Всероссийского съезда часовенных старообрядцев. От Александра Викуловича я впервые в жизни услышал реплику о Григории Распутине, который был, вроде, дальним родственником какого-то его знакомого. И царицу упомянул. Дескать, вы же знаете, было это при последней царице.

Потом я Александра Иосифовича как-то вскоре встретил на перекрестке проспекта Ленина и Генеральской. И бабу Веру, Веру Венедиктовну я не забываю, другие ее правнуки тоже помнят.

Агриппина и Наталья Жуковы (Очерк седьмой)

В семье Венедикта Михайловича Жукова, р. 1861, потомка первых жителей г. Екатеринбургa родились и выросли три дочери.

Родная мама девочек Анна Львовна Жукова, р. 1869 (урожд. Чепелева) была доброй и красивой, в 1900 г. она, к общему горю родных заболела и умерла в тридцать лет. Отец Веры, Агриппины и Натальи Венедикт Михайлович в 1901 году, 19 января женился второй раз — на Анне Григорьевне Кондратьевой, р. 1879, возраста 21 г. 6 мес. (1 мая 1909 брак был записан в метрическую книгу), ставшей дочкам его не просто мачехой, а второй мамой внимательной любящей.

О старшей дочери Вере Венедиктовне, р. 1892, впоследствии взявшей фамилию мужа Потапа Семёновича — Тяжёлых, маме пятерых его детей и еще многие годы спустя — нашей любимейшей бабы Веры — нами уже подробно написано, пишущий эти строки Вадим Егоров не представляет своей жизни без родной прабабушки. В семейном архиве у нас хранятся старые фото о детстве и юности «трех сестер — барышень Жуковых» (так написано на обратной стороне одной из фотографий).

Младшая Наталья, в семье звалась Таля, родилась 24 августа (5 сентября по нов. ст.) 1897 года, светловолосая и сероглазая, в отличие от более темненьких сестер и внешне как-то немного похожа на приемную маму. Как и сестры добрая, положительная. Вышла замуж в 20 лет, после революции. 13 февраля 1918 года, в понедельник состоялось бракосочетание Натальи Венедиктовны Жуковой с Романом Гавриловичем Шляпниковым, р. 1890, уроженцем Шарташа, фотографом. Летом 1918 г., 12 июля город был взят белочехами, колчаковцами. В том же году Р. Г. Шляпников купил у Н. И. Козлова и его братьев известное в городе фотоателье «Рембрандт». 15 июля 1919 года город снова перешел в руки красных. Молодая пара хотела рождения детей, да время было трудное, голодное. В 1921 году у Тали появились боли в животе. 15 сентября 1921 года Наталья Венедиктовна Шляпникова, урожденная Жукова умерла в возрасте 24 лет в г. Екатеринбурге.

Три сестры Жуковы Наталья, Агриппина, Вера

От второго брака, с Анной Григорьевной у отца трех сестер Венедикта Михайловича родился 30 октября 1909 г. родился сын Павел. Рос в родительской любви, симпатичный, шустрый мальчик. Вырос уже в советское время. В летний день 13 июля 1928 г. Павел Венедиктович Жуков утонул в Исети, в восемнадцать с половиной лет, запечатлевшие его в детстве фотографии и одна фотография уже молодым человеком сохранились.

Средняя сестра Агриппина Венедиктовна, р. 16 июля (28 по н. ст.) 1894 г., в семье ее звали Грушей. В 1911 г., 28 октября в Нижнем Тагиле состоялось ее бракосочетание с Федором Федоровичем Железковым р. 1885? (в записях ее отца: Желесковым).

Агриппина и Федор Железковы. 1911

Род жениха купеческий. Предки жили и работали в Тагиле с 1740 -х годов. Поначалу из приписанных к цеху углекопщиков Демидовского завода. Отец Федор Антонович — предприниматель. Дед Железков Антон Прокопьевич (1833 -1910 -е) — верхотурский купец 2 -й гильдии. Владел в Н. Тагиле мыловаренно -свечным и маслобойным заведениями, лавкой. Дом собственный имел на Большебруснянской улице. Торговал в 1880 -1910 -е, помимо изделий своих предприятий, бакалейными и мануфактурными товарами (ГАПК Ф. 111, Оп. 2, Д. 199, Л. 719; ГАСО Ф. 643, Оп. 2, Д. 406, Л. 91). Родственником Грушиного мужа был и Железков Яким Порфирьевич, в 1890 -е владевший в Н. Тагиле меднокузнечной мастерской, изделия из меди которой расписывались местными мастерицами, экспонировались на выставке в Н. Новгороде (НТГФА Ф. 36, Оп. 1, Д. 823, Л. 25). В 1913 г. у Груши и Федора родилась дочь Екатерина.

В 1934 г. Федор Федорович Железков как бывший частный предприниматель, владелец в Нижнем Тагиле маслобойного производства был лишен избирательных прав. С Агриппиной Венедиктовной они, вроде бы, разошлись, поскольку я о нем не слышал, а ведь он, по словам дочери — тети Кати прожил девяносто лет (то есть до 1975 года примерно).

Агриппина Венедиктовна в 1960 -1972 гг. жила в центре Свердловска на ул. Малышева, в доме, где была «Пирожковая» (между Бажова и Восточной). А напротив, в доме, где многие годы была «Аптека», на первом этаже жила ее дочь — эффектная, красивая седовласая женщина Екатерина Федоровна Горина с мужем главным инженером, худеньким, в очках, пониже ее ростом. Жили дружно, обеспеченно, имели в 1970 -м еще году большой цветной телевизор. У них, вроде, две дочери. Одно время мы с тетей Катей и ее мужем довольно часто на Бажова виделись. В 1994 г. они на улице встретились случайно с племянницей Лилией Германовной, мамой пишущего эти строки. Приглашала маму тетя Катя к себе в гости, обещала показать интересные старинные бумаги и другие семейные реликвии. Но мама что -то не зашла. Вроде бы тетя Катя прожила больше девяноста лет, до 2006 года. А может быть и того дольше.

Наталья и Роман Шляпниковы (слева) с его родными. 1918

В 1970 году мы с бабой Верой, маминой мамой бабой Женей, молодой еще моей мамой были у тети Груши и тети Кати в гостях в доме, где «Пирожковая». Помню тетю Грушу уже старушкой, худенькой, тихой, невысокого роста. Заправляла тогда нашим застольем тетя Катя. В 1972 году тётя Груша, к большой нашей и бабы Веры печали, ушла в мир иной. Ныне внук ее, старше меня, живет в Канаде. Наверно есть и еще их с тетей Катей внуки, правнуки и в нашей стране, в Екатеринбурге, но я этого пока не знаю.

Екатерина Федоровна Горина (Очерк восьмой)

Сестра моей прабабушки любимой бабы Веры — Агриппина Венедиктовна Железкова (урожд. Жукова) р. 1897 в 1960 -1972 гг. жила в центре Свердловска на ул. Малышева, в доме, где была «Пирожковая» (между Бажова и Восточной).

А напротив, в доме, где многие годы была «Аптека» на Бажова, на первом этаже жила ее дочь — эффектная, красивая седовласая женщина Екатерина Федоровна Горина (урожд. Железкова) р. 1913 с мужем главным инженером, худеньким, в очках, пониже ее ростом. Жили дружно, обеспеченно, имели в 1970 -м еще году большой цветной телевизор (тогда большой шик). У них, вроде, было две взрослые дочери. Одно время мы с тетей Катей и ее мужем довольно часто на Бажова виделись. Со мной тетя Катя тоже произносила при встрече пару приветливых слов. В 1994 г. они на улице встретились случайно с племянницей Лилией Германовной, моей мамой. Приглашала маму тетя Катя к себе в гости, обещала показать интересные старинные бумаги и другие семейные реликвии. Но мама что -то не зашла. А жаль. Вроде бы тетя Катя прожила больше девяноста лет, до 2006 года. А может быть и того дольше.

В 1970 году мы с прабабушкой бабой Верой, ее дочерью — маминой мамой бабой Женей, молодой еще моей мамой были у тети Груши и тети Кати в гостях в доме, где «Пирожковая». Помню тетю Грушу уже старушкой, худенькой, тихой, невысокого роста. Заправляла тогда нашим застольем энергичная тетя Катя. В 1972 году тетя Груша, к большой нашей и бабы Веры печали, ушла в мир иной. Ныне внук ее, он старше меня, живет в Канаде. Наверно есть у тети Кати внуки, правнуки и в нашей стране, в Екатеринбурге, но я не знаю.

Потап Семёнович Тяжёлых **(Очерк девятый)**

Потап Семёнович Тяжёлых — молодой красавец и франт, несмотря на то, что родом был из старообрядцев и сам к ним относился — прадед автора этих строк, муж Веры Венедиктовны Жуковой, в замужестве ставшей Тяжёлых, родился в 1882 году в г. Екатеринбурге. Отец его Тяжёлых Семён Парамонович р. 1837 занимался торговлей бакалеей, строительными подрядами, ценными бумагами; мать Дениндерцева Мария Филимоновна имела до свадьбы свой домик на улице Луговой, 170. Он окончил гимназию и, возможно, Институт путей сообщения, о чем я раз слышал, но вряд ли. Он был строен и высок ростом, имел правильные точеные черты лица густые живописными локонами волосы, выразительные карие глаза. Напоминал скорее какого-нибудь молодого генуэзского или испанского графа, чем уральского предпринимателя, торговца. Об аристократическом происхождении я тоже, как говорится, слышал звон. Вообще генуэзцы больше двухсот лет жили на крымской земле (13 -15 вв.), строили свои крепости и фактории, в принципе могли породниться и с русскими старообрядцами, но подтверждений тому у нас нет. В семейной хронике, например, есть такая запись: «1868 года 4 января скончалась Креспа Анна Ивановна», не выяснено точно кто она. Но фамилия эта очень примечательна. Она знатная, ведет свое начало из Испании, точнее — из Кастилии 1115 года и носителями ее было немало известный испанских и итальянских деятелей. В том числе — Альфонсо Креспо (Креспа) 6 -й граф Кастильо Фьель, Карлос Креспо 7 -й граф Кастильо Фьель. Креспа, Креспо — знатная фамилия, в основе которой топоним, означающий «кудрявый».

Потап и Вера, молодожены. 1909

В январе 1909 г. Потап женился на екатеринбурженке Вере Венедиктовне Жуковой, родители и предки которой тоже были старообрядцами, несмотря на скромный их достаток уважаемыми в этих кругах. Усадьба Тяжёлых -старшего: просторный дом с мезонином и земля — находилась на Покровском проспекте (ул. Малышева, 59) на пересечении с ул. Солдатской (Красноармейской), там, где ныне стоит тц «Антей». А молодые обзавелись двухэтажным полукаменным домом на Спасской (позже ул. Ст. Разина, 27) с красивой цветного витража верандой. С хорошим садом. Держали своих выездных лошадей.

Здесь в семье родились и выросли дочери Зоя р. 1910, Евгения р. 1912 (потом мамина мама), Антонина р. 1914, Нина р. 1919 и сын Георгий р. 1911. Детей очень любили, отношения в семье были самые теплые. И с братом Афанасием Семеновичем Тяжёлых р. 1876, и с его хорошей доброй женой Анастасией Павловной р. 1886, которую племянники ласково звали Тётичкой. Отец как -то позвал сыновей и сказал Афанасию: «Я, Афоня, тебе денег не дам, всё отдам Потапу. Поскольку у вас нет детей». «Ты прав, папа. Я не в обиде», — ответил Афанасий. Дела отца и братьев в бизнесе шли хорошо.

В 1911 году Потап Семёнович с Викулом Иосифовичем Ульяновым выступили инициаторами и организаторами Первого Всероссийского съезда старообрядцев часовенных в Ека-

теринбурге. Там обсуждались и решались важные вопросы настоящего и будущего «истинного православия», «древнего благочесития». В 1916 -1918 П. С. Тяжёлых был членом Совета Успенской старообрядческой общины города Екатеринбурга.

В феврале -марте 1917 года произошла Февральская революция. Тяжёлых не были против государя императора. Но страна вступила в новую жизнь и они, под влиянием всеобщего ликования на лучших тройках примчались с красными бантами на груди на Кафедральную площадь. А вот Октябрьскую революцию отец и сыновья Тяжёлых, как и Верин отец Венедикт Михайлович Жуков не приняли. Особенно неприемлемым было отношение новой власти к религии и церкви. Атеизм стал своего рода новой религией. «Не так страшен коммунизм, как страшен сатанизм», — говорил об этом всем Потап Семёнович. И приход белочехов, колчаковцев в город в июне 1918 года воспринимался как начало конца общероссийской смуты. Но через год, летом 1919 года положение полностью переменялось. И стало понятно, что белой армии под натиском красных придется покинуть Екатеринбург, Урал и отступать в Сибирь. Потап Семёнович стал добиваться вступления в белую армию. Тем более, что Колчак, что называется, начертал на своих знаменах лозунг «Свобода торговли!» Господина Тяжёлых убеждали, что на гражданском поприще он и впредь будет намного полезнее, а идти в солдаты в 37 лет с его положением и состоянием поздновато. И врачи обнаружили у Потапа Семёновича некоторые проблемы с сердцем. Но он настоял и вступил в армию вольноопределяющимся (группа солдат из образованного сословия с недолгой перспективой на офицерское звание) и ушел с белыми войсками, оставив семью на попечение старшего брата. Афанасий Семёнович повалил Веру с детьми в Петропавловск, куда советская власть еще не добралась. Она отказалась, они выпросили у нее с собой Тосю (на время, конечно, чтоб Верочке полегче было) и уехали. Позже Вера Венедиктовна, оставив своим родителям и младшую дочку Нину (они тоже уговорили) всё же приехала с остальными детьми в Петропавловск, но потом они заскучали по родному городу и вернулись. Перед этим пришла печальная весть, что под Омском Потап Семёнович пропал без вести. Он, скорее всего, умер от тифа, который там в ту пору убил многих. Даже кто-то приезжал и сказал: скончался. Но семья не верила, ждала, что Потап Семёнович вернется.

Даже в семидесятые, через полвека с лишним, Антонина Потаповна сказала в семейном кругу: «Не так давно перед булочной у кинотеатра „Искра“ я видела одного высокого прямого старика, очень похожего на нашего папу. И глаза, и борода клинышком, прямо как у папы. Но он всё же значительно моложе папы. Из-за этого я не подошла и не заговорила». Он любил свою страну, город, семью и заслуживает доброй памяти потомков..

Семён Парамонович Тяжёлых (Очерк десятый)

Он прожил долгую жизнь, но финал этой жизни был омрачен приходом непотребного для него жизнеустройства, «властью безбожников». Отец моего по материнской линии прадеда, бабы Верин свекр Семён Парамонович Тяжёлых родился в Шарташской волости близ Екатеринбурга в 1837 году в старообрядческой семье. Предки его жили на Шарташе еще и в первой половине восемнадцатого века. Тогда еще фамилия вариировалась: Тяжёлой, Тяжёлов, Тяжёлых. В ревизии 1762 года Верх -Исетского завода (Шарташ тогда относился к ВИЗу) записан Гаврила Петров сын Тяжёлой, 36 лет, у него жена дочь Анна екатеринбургского посадского Аверкия Кузнецова тридцати одного лета (РГАДА Ф. 350, Оп. 2, Д. 908, Л. 68). У них дети рожденные: Кондратий 9 лет, Егор 8 лет, Федор 3 года. Аверкий Филиппович Кузнецов р. 1686 был известным в Екатеринбурге и на Шарташе Анну, р. 1731 в 1749 году неспроста, видать стоящий парень был. У Гаврилы был родственник, видимо брат Василий, ведший мясную торговлю.

В 1875 году Семён Парамонович Тяжёлых приехал на постоянное жительство в г. Екатеринбург (ранее его сестры уже были выданы сюда замуж «сводным» браком — ГАСО Ф. 25, Оп. 1, Д. 1379, Л. 9 об.; Ф. 6, Оп. 13, Д. 113, Л. об. 4), купив здесь весьма просторный дом с мезонином, участком земли на Покровском проспекте, 53 — угол с ул. Солдатской, 20 (Малышева — Красноармейская, в 1888 г. дом достраивался). Ныне это место горожанам известно по тц «Антей». Он и раньше вел торговую, предпринимательскую деятельность и теперь при доме была бакалейная лавка, потом Тяжёлых занялся строительными подрядами, ценными бумагами. В том же 1875 г. С. П. Тяжелых женился на местной жительнице Марии Филимоновне (урожд. Дениндерцевой), имеющей собственный небольшой дом по адресу ул. Луговая, 170. Об этом написано и в большой книге -справочнике «Екатеринбург, 1889 год». Автор -составитель книги этой Илья Иванович Симанов был тогда главой города Екатеринбурга, богатым первой гильдии купцом и дальним родственником Тяжёлых. В феврале 1801 года, еще при Павле Первом, подканцелярист Стефан Тяжёлых в губернском центре браком сочетался с девицею Анной Григорьевной Симановой (ГАПК Ф.37, Оп. 2, Д. 257). Симанов был, однако, не только дальней родней наших Тяжёлых, но и двоюродным братом матери Антона Павловича Чехова. Правда Чехов, посетивший Екатеринбург в 1890 году проездом на Сахалин, отнесся к этому родству иронично (не высказываясь вслух, а дорожном дневнике своем). До Семёна Парамоновича его сестры вышли замуж в Екатеринбург. И есть некоторые предположения о других интересных родственных связях наших Тяжёлых с зарубежными знатными людьми. Впрочем это еще предстоит уточнять. В 1876 г. в семье Семёна и Марии Тяжёлых родился сын Афанасий (дядя Афоня), а в 1882 г. сын Потап (мой будущий прадед, муж бабы Веры любимой моей) — Потап Семёнович Тяжёлых.

Усадьба С.П. Тяжелых на Покровском проспекте

Афанасий женился на замечательной женщине, с отличием окончившей гимназию, театралке, из очень образованной семьи Анастасии Павловне р. 1886. Они были неразлучны всю жизнь, жаль, что своих детей не было. А Потап в январе 1909 г. женился на юной Верочке Жуковой, р. 1892, дочери потомка первых екатеринбуржцев Венедикта Михайловича Жукова, р. 1861 — человека менее богатого, но доброго, светлого. В семье Веры и Потапа Тяжёлых родились и выросли пять детей: четыре дочери Зоя, Женя, Антонина, Нина и сын Георгий. Жаль, что в детстве Георгий в игре упал с крыши сарая и заболел эпилепсией. Как -то Семён Парамонович позвал обоих сыновей и объявил: «Тебе, Афанасий, я денег не дам, а отдам всё Потапу. Поскольку у вас нет детей». Дядя Афоня и жена его тётка Анастасия Павловна не обиделись, отнеслись с пониманием. Тем более, что предпринимательская деятельность его шла весьма успешно.

Потап с Верой и детьми стали жить в просторном полукаменном двухэтажном доме с красивой цветного витража верандой, конюшней с лучшими в городе выездными лошадьми, большим садом на улице Спасской, 27, — купленном у купца 2 гильдии Н. И. Федотова.

Многие годы спустя, в девятьсот восьмидесятые или девяностые, внучка Женя, вспоминая, наверно 1916 -й год, рассказывала, как впервые увидела дедушку, придя с родителями к нему в гости. Он был высокий, с бородой, в старого покроя сюртуке и блестящих хромовых сапогах. И зычным голосом, ища меня, он проговорил: «Где моя внучечка? Покажись!» А я испугалась его, такого большого, громкого. Бегу через все комнаты, а он за мной. Я залезла где -то далеко, в спальне под кровать, сердчишко бьется от волнения..!»

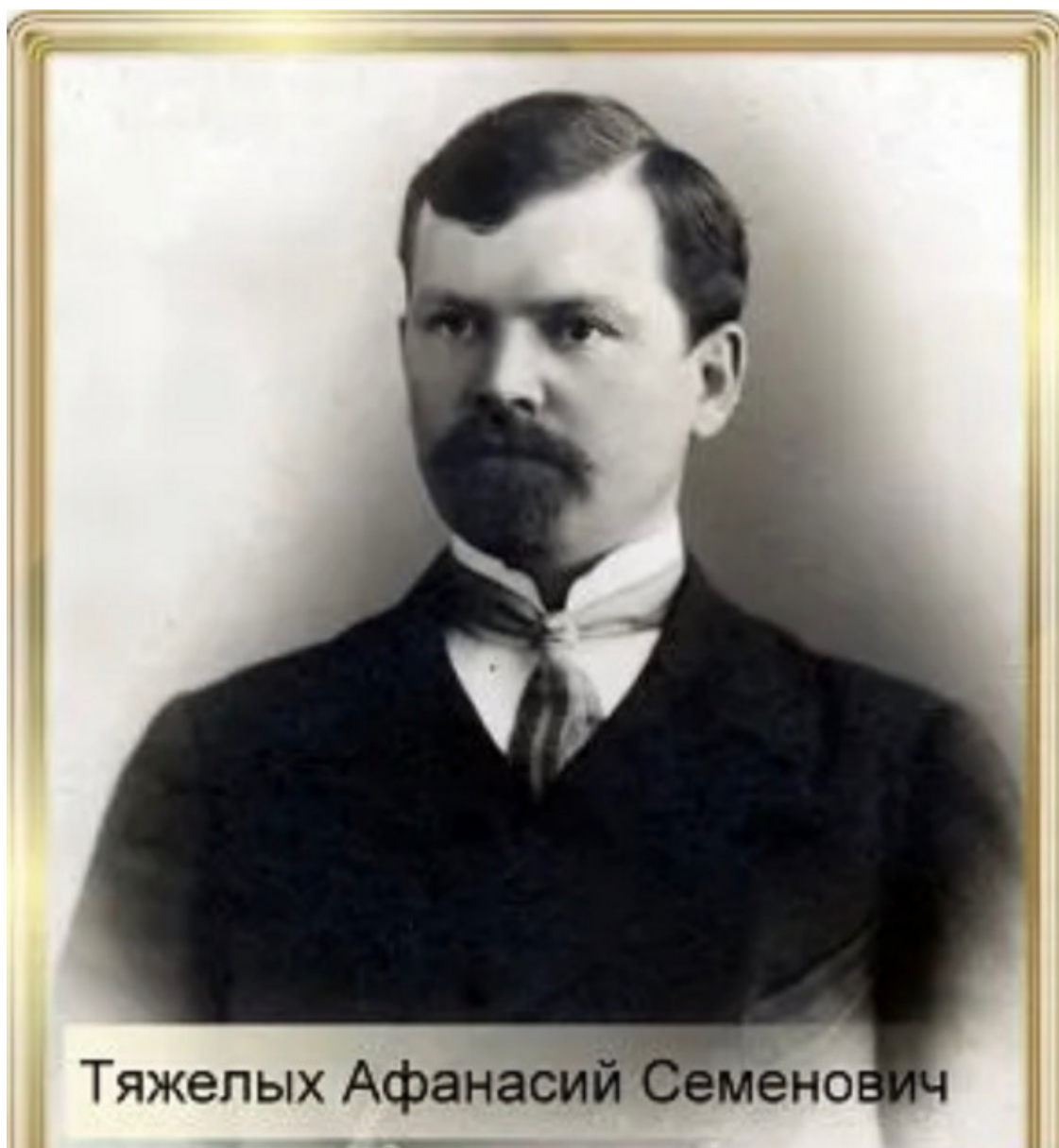
Февральскую революцию 1917 года Тяжёлых встретили благосклонно, с надеждой. А Октябрьскую не приняли категорично. Отрицание религии, веры было для них, конечно, неприемлемо.

Новая власть незваными гостями ввалилась в его дом. Стали требовать деньги, ценности на великие нужды революции. Он ничего отдавать не собирался, считая их настоящими разбойниками. Они подвесили его в прихожей, за ноги вниз головой, старика восьмидесяти лет, но и тогда, вроде, мало что добились. Потом пришли белые, чехи, потом их всё же одолели крас-

ные. Потап ушел с белой армией, его семья уехала куда подальше, в Петропавловск. Усадьбу у Семёна Парамоновича конфисковали. И в дома семей Потапа, Афанасия вселили совершенно чужих людей. Так в двадцатом году или немного позже встретил конец своей жизни Семён Парамонович Тяжёлых.

Дядя Афоня и Тётичка Тяжёлых (Очерк одиннадцатый)

Афанасий Семёнович Тяжёлых родился в 1876 году в г. Екатеринбурге. Родители его предприниматель Семён Парамонович Тяжёлых р. 1837 и жена его Мария Филимоновна. В 1894? окончил гимназию и, вслед за отцом приступил к предпринимательской деятельности, начатой и продолжавшейся успешно.

В возрасте тридцати примерно лет женился на выпускнице женской гимназии Анастасии Павловне, с которой они прожили душа в душу всю жизнь. Она была на редкость умна и обаятельна, с восхищением и знанием разбиралась в музыке. Она познакомила его с творчеством Шаляпина, которого слушала «живьем», бывая на его концертах, была искренней «шляпинисткой».

Любили Афанасий Семенович и Анастасия Павловна племянниц, племянника — детей младшего брата р. 1882 Потапа Семёновича и жены его Веры Венедиктовны р. 1892 (урожд. Жуковой) Тяжелых, своих детей у дяди Афони и тётички, как ласково звали их племянницы, не было. Отец Афанасия и Потапа как -то вызвал к себе обоих сыновей и сказал: «Тебе, Афанасий, я денег не оставлю, всё отдам Потапу. Поскольку у вас нет детей». Афанасий Семёнович и Анастасия Павловна отнеслись к этой теме безо всяких обид. В 1912 году открылся наш Оперный театр, и Анастасия Павловна с Афанасием Семёновичем стали здесь завсегдатыми. И жена екатеринбургского олигарха Железнова Алексея Афиногеновича Мария Ефимовна, (владельцы знаменитого дома -замка на Златоустовской) тоже приобщила мужа к опере и балету. В театре они взаимно раскланивались с четой Тяжёлых. На премьере балета «Ромео и

Джувьетта» Ш. Гуно Мария и умерла. Дядя Афоня и тётя Анастасия одевались элегантно, она была для племянниц не только любимейшим родным человеком, но и иконой стиля. Интеллигенция высокой пробы, хоть и предпринимательская. Жили где-то в районе Архиерейского переулка (ныне ул. Тверитина). Февральскую революцию встретили с надеждой.

Под впечатление о происшедшем этом событии дядя Афоня с братом Потапом Семёновичем даже с красными бантами на шубах приехали на своих красивых тройках на Кафедральную (впоследствии Пятого года) площадь. Потом произошла Октябрьская революция, симпатий у отца и братьев Тяжёлых не вызвавшая. Приехали в 1918 году в их дом непрощенные вооруженные люди и именем новой власти жестко потребовали по добру - по здорову отдать им деньги и драгоценности. А то, как сказали приехавшие, «повесим вас вниз головой за ноги, над парашей — сами будете предлагать». Что ж делать, пришлось отдать, хотя Афанасий Семёнович испугался только за жену. У него были драгоценности тоже, в том числе на пальце носил перстень с дорогим камнем в десять карат, у Потапа — в пять карат. В июле восемнадцатого в подвале Ипатьевского дома была расстреляна царская семья. Потом город заняли белочехи, колчаковцы. Тяжёлых и Жуковы и очень многие екатеринбуржцы решили, что на этом гражданская война и советская власть закончились. Но красные снова наступали, а белые были вынуждены, собрав пожитки, в июле 1919 г. срочно отступать из города. Афанасий Семёнович и Анастасия Павловна решили уезжать в г. Петропавловск (впоследствии — североказахстанской области), ибо теперь их тут ничего хорошего не ждет. Попросили у жены Потапа Веры взять кого-то из детей на воспитание и пропитание. Хотели шустрюю Женьку, но та ни в какую не хотела. Тогда выпросили худенькую, помладше Тосю. С ней и уехали от «мировой революции» куда подальше.

Они приехали в Петропавловск, и город им понравился. Познакомились и потом подружились с местным богачом и благотворителем Иваном Ефимовичем Королёвым р. 1871, человеком глубокого ума и широкой души. Он получил в школе только начальное образование (хотя по тем временам уже вполне неплохо), но благодаря самообразованию обрел обширные знания, завидный общекультурный кругозор. «Иван Ефимыч Королёв — человек выше всяческих похвал, настоящий русский самородок. Как он создал, организовал безупречно свое дело, сам работал и все у него работали (русские и казахи), авторитет его был непререкаем. Людям помогал. И дяде Афоне с бизнесом помог, поселил нас у себя в доме на улице Почтамтской, 58 (потом дома пересчитали, стал дом №70). А какая у него была заимка, там тоже работали. А мы — дети отдыхали. Мы с его и Ольги Аверьяновны сыном Сашей и дочкой Леной стали лучшими друзьями», — вспоминала в девяностые на склоне лет Антонина Потаповна Мещерякова, р. 26.06. 1914 (урожденная Тяжёлых), в середине и конце девятисот двадцатых годов просто девочка Тося. Афанасий Семёнович Тяжёлых при поддержке Королёва основал трастовую компанию «Товарищество Тяжёлых на вере» (над воротами была такая крупная надпись) и нужную городу Ватную фабрику, став здесь владельцем и директором. И сюда всё же пришла советская власть, но для оживления экономики шла «Новая экономическая политика — НЭП», посему частный капитал жил, развивался и развивал всё вокруг. Жизнь вокруг располагала работать и учиться, общаться и дружить. Подружились с семьей Загвоздиных, они подарили 23.03. 1925 сохранившееся фото: приятная лет сорока пара с сыном лет двенадцати. И Тося с Леной Королёвой подружились на всю жизнь.

Приезжали сюда и Вера Венедиктовна с Зоей, Женей, но Веру потянуло домой, хоть тут жизнь обеспеченная, благополучная. « В жаркий день там сидят старые кыргызы в меховых шубах и шапках, и пьют горячий чай!» — рассказывала мне, школьнику, она многие годы спустя. Причем тогда и казахов называли «кыргызами», таким вот образом местные старики спасались от жары.

Дядя Афоня и тетичка Анастасия Павловна. 1929

В конце двадцатых политику нэпа советские власти стали сворачивать. В 1929 году к дяде Афоне на фабрику пришли некие проверяющие в штатском и потребовали уплатить большой налог, он уплатил.

Потом пришли снова и он опять уплатил что они требовали, когда же к нему пришли в третий раз, он платить не стал, продал фабрику и весь бизнес ниже рынка. И, простившись с Королёвыми и другими близкими, семья Тяжёлых покинула Петропавловск. И вернулась в Екатеринбург, давно ставший уже советским Свердловском.

Дом их на Тверитина был уже заселен другими людьми. Жить их пустили к себе Верин отец Венедикт Михайлович Жуков с женой Анной Григорьевной. Афанасий Семенович Тяжёлых устроился на работу, какая была, вроде мастером (или начальником участка) на скотобойне, Анастасия Павловна стала работать в «наробразе» (отделе народного образования). Переписывались с Королёвыми. В 1930 году Ивана Ефимовича Королёва осудили, лишили имущества, сослали в Среднюю Азию. И в 1932-м? этот крепкий, сильный человек как -то ночью насмерть угорел, ночуя в комнатенке барака у неисправной печки. Человек был изумительный, другого такого не сыскать.

Приятельствовала тетичка Анастасия Павловна, а через нее и Женя, Тося с семьей доктора Фролова: немолодой доктор, его жена и дочь. Они были последними жителями печально знаменитого Ипатьевского дома, уже после Ипатьевых, конечно. И когда засиживались в гостях допозна, оставались тут ночевать. Женя и Тося дружили с молодой симпатичной дочерью доктора. Потом Фроловы уехали навсегда в Америку, в Сан -Франциско, Калифорния. Купили там дом и жили безбедно. Писали нашим письма. Две фотографии сохранились из этих писем. На одной Фроловы на веранде их дома с внуком. На другой дочь доктора со своим сынишкой. Кстати, уезжая, звали и наших, Женю, но наши не поехали. Заболел онкологическим заболеванием толстой кишки прекрасный дядя Афоня. Анастасия Павловна беззаветно за ним ухаживала, помогала преодолеть мучения, в 1937 году он скончался. У тетички это выбило почву из под ног, но старалась жить, как могла. Пережили утраты Венедикта Михайловича Жукова, Афанасия Семеныча. Чуть успокаивали поездки на юг. Есть у нас фото 10 августа 1938 г. Елизаветы Михайловны Кувшинниковой с мужем — друзей тетички, с которыми она отдыхала на юге в Алушке. А в войну новые утраты. В начале войны умер от голода племянник Георгий и двое его малюток (двойняшек), в январе 1943 -го при бомбежке медсанбата под Ростовом

погибла племянница (младшая дочь Веры и Потапа, сестра Георгия) молоденькая Нина Потаповна Тяжёлых.

После войны тётичка работала в библиотеке УПИ. В Крым ездила в санаторий, есть фото. Осенью, 15 сентября 1948 года Анастасия Павловна Тяжёлых скончалась в г. Свердловске в возрасте шестидесяти двух лет. Родные очень горевали. И часто вспоминали любимую, неповторимую тётичку и доброго дядю Афоню.

Антонина Потаповна, тетя Тося Мещерякова (Очерк двенадцатый)

Очень интеллигентная, тоненькая, но твердая в своих тех или иных позициях тетя Тося Мещерякова (урожд. Тяжёлых), младшая сестра маминой мамы бабы Жени родилась 26 (по - старому 14) июня 1914 года в семье предпринимателя, из старообрядцев (при этом модника, красавца, богача) Потапа Семёновича Тяжёлых р. 1882 и его жены Веры Венедиктовны р. 1892, урожденной Жуковой. Родилась прямо накануне Первой Мировой войны. Один ее молодой дядя Кирилл, прапорщик в этой войне участвовал, а в остальном мировая война никак на жизни ее и их семье (в отличие от гражданской) не отразилась.

В 1919 г. под Омском пропал без вести (вернее сказать, погиб) Тосин отец и брат отца Афанасий Семёнович Тяжёлых (дядя Афоня) р. 1876 с женой Анастасией Павловной (тётичкой) выпросили у Тосиной мамы Верочки, оставшейся в становившемся красным Екатеринбург с пятью маленькими детьми на руках, эту пятилетнюю девочку с собой в далекий, но несравненно более тихий и благополучный, не покрасневший еще Петропавловск (позже казахстанский). «Они сначала просили, — вспоминала уже в девяностые тетя Тося, — взять с собой Женьку, крупную, шуструю. Но та не захотела ни в какую. Пришлось взять меня, худенькую, сильно не возражавшую». Петропавловск вскоре стал приехавшим всё больше нравиться. Раньше он был частью Российской империи и теперь втягивался в орбиту влияния России уже советской, но в составе автономной территории со своим вполне благополучным, хоть и провинциальным, укладом жизни. Начавшаяся «новая экономическая политика» усилила и без того не ушедшие черты былого, в общем после екатеринбургских потрясений приехавшие Тяжёлых смогли, наконец, перевести дух. Приезжали сюда и мама — Вера Венедиктовна с другими детьми, но в двадцать втором году уехали обратно, потянуло домой. И Тосю, дядю Афоню, тетичку Анастасию Павловну, но возвращаться -то особо некуда — всё конфисковано, даже маленький домик на Уктусской, зачем -то купленный Потапом Семеновичем в январе семнадцатого года (где сейчас парковка «Гринвича»), не говоря уже о доме и земле на Покровском проспекте (Малышева -Красноармейская, где ныне «Антей»), доме с садом на Спасской, 27 (рядом с налоговой службой на ул. Ст. Разина), доме дяди Афони и тётички неподалеку от Ночлежной площади (ул. Тверитина). Всем в избушку на Обсерваторской горке или домик дедушки Венедикта Михайлыча и бабиньки на Луговой (Мичурина)? Может, так и придется, но пока торопиться не стоит.

Тяжёлых познакомились и потом подружились с семьёй Королёвых. Иван Ефимович Королёв был местным богачом, работодателем и благотворителем. Имея только начальное образование (что по тем временам было не так уж и мало) он самообразованием обрел глубокие знания, общекультурный кругозор, и способности организовывать жизнь, производство вокруг себя, творить нечто новое. Работавшие у него русские, казахи, киргизы (кыргызы) очень его уважали, как и жену его Ольгу Аверьяновну. Тося и Лена, дочь Королёвых оказались ровесницы, Саша Королёв тоже хороший, он постарше летом играли на загородной заимке Ивана Ефимовича, где он и его работники всегда были чем -то заняты, вся работа проходила ритмично, в темпе, но без нервозности. Жили в доме Королёвых, ул. Почтамтская, 58 (потом дома пересчитали и дом стал номером 70).

При поддержке Королёва дядя Афоня открыл «Товарищество Тяжёлых на вере» — трастовую компанию, по -нынешнему говоря. Заработала Петропавловская ватная фабрика, нужная городу и округе, основателем, владельцем и директором ее был Афанасий Семенович Тяжёлых. И еще хорошие приятели Загвоздины, муж и жена лет сорока, у них сын лет двенадцати свое фото в 1925 г. подарили, оно сохранилось.

В 1929 -м московские власти и здесь стали прикрывать нэп. Фабрика работала что надо, отчисляла в бюджет налоги, но вот как -то в кабинет Афанасия Семеновича заявила группа в штатском и ультимативно потребовала заплатить еще. Дядя Афоня удивился, возмутился, но заплатил. А они вскоре пришли снова, и он заплатил опять. Когда же они пришли еще, он отдал что было. Продал фабрику и весь бизнес, ничего не скрыв от покупателей, намного ниже рынка. И, простившись с Королёвыми и другими здешними друзьями, семья Тяжёлых уехала из Петропавловска насовсем.

Вернулись в родной город, ставший уже советским Свердловском. Жили теперь с родителями Веры, в тесноте, да не в обиде. Дядя Афоня стал работать на скотобойне, просто масте-ром. Потом, вроде, и начальником участка. Тётичка и Тося переписывались с Королёвыми. А в Свердловске общались теперь с доктором Фроловым, его женой и дочкой. Это были последние жители печально знаменитого Ипатьевского дома. Тётичкины давние друзья. Не раз тётичка и девочки, общаясь, засиживались здесь допоздна. И по настоянию хозяев оставались ночевать у них. Призраки расстрелянной семьи Романовых им не являлись, но иногда какая -то таинственная атмосфера в позднее время была. Потом, наверно в тридцатом году, Фроловы подали заявление на отъезд из страны и им... разрешили. Звали наших в Америку, особенно звали Женю, но она не захотела. Фроловы уехали в США, к Калифорнию. Купили дом в Сан - Франциско. На присланных оттуда нашим и ныне сохранившихся фото мы их видим. На первом фото на веранде дома пожилые доктор Фролов с женой и внуком. На втором фото крупным планом их молодая симпатичная дочь с этим же мальчиком, ее сыном. Переписывались с Королёвыми, от Ольги Аверьяновны узнали, что Ивана Ефимовича 18 декабря 1930 года осудили и сослали куда -то в Среднюю Азию. Потом, в 1932 -м? случилось ужасное. Этот молодой уже, но сильный и здоровый человек в одну из ночей угорел, уснув у испортившейся печки. Настоящий сделавший себя русский самородок. Сколько люди оплакали эту потерю! А сейчас кто в давно ставшем казахстанским Петропавловске знает о Королёве, а тем более уж о Тяжёлых?... Дядя Афоня ушел из жизни в 1938 -м, но не по причине репрессий или чего -то похожего. Жизнь его оборвало мучительное заболевание толстой кишки. За что такому хорошему человеку? Вот среди фото фотография подруги и ровесницы круглолицей с внимательным взглядом девушки, на обороте надпись: «На память! Тоне от твоей подруги Фроси Голубевой? 8.1.33 года. Дай руку в тяжелый мне час, моя дорогая подруга, пусть люди забудут о нас, но мы не забудем друг друга! Твоя Фрося Гол...»

Антонина Потаповна Тяжёлых училась на рабфаке, затем в УПИ на экономическом факультете, затем стала инженером проектного института. Перед войной летом с подругами отдыхала на юге. Очень понравился ей отдых в Сочи летом 1938 года. Об этом говорят фото на море, молодая компания, некий Боричка Богуславский, ленинградец, вроде бы. Она познакомилась со звездой тогдашней нашей эстрады Вадимом Козиным. Даже, кажется, он с ней первый заговорил. на пляже. Козин (с двумя его приятелями, один почему -то в черной шляпе): «Девушка, а как вас зовут?» — «Ну Тося». — «Вы меня узнали!» — «Допустим» — «Может угостите вот фруктами, поговорим. Можно и в карты перекинуться». В разговоре Козин, по словам Тоси, «хвастался безбожно». Узнав, что Антонина из Свердловска, мегазвезда эстрады радостно -обиженно воскликнул: «О, Свердловск мне должен столько денег!» Друзья его — в шляпе и другой, подтверждающе закивали. В следующем году Козин где -то в холле филармонии под музыку пригласил Тосю потанцевать, они потанцевали. Потом началась Великая Отечественная война, а в 1944 г. Козина... сослали на Колыму. В «оттепель» власти признали, что он ни в чем не виноват, может жить в столице или где пожелает, но он полюбил этот северный край до конца своей долгой жизни жил в Магадане. Впрочем, об этом Тося как -то уже не говорила.

Антонина Потаповна

Вообще, их молодежная компания была довольно крутая — сын секретаря Свердловского обкома ВКП (б), генерала и т. п. ездили в черных машинах. Позже бы сказали «золотая молодежь», хотя у Тоси родные были все сплошь беспартийные обыкновенные люди, оставившие свои статусы в дореволюционном и нэповском прошлом. Она не была в комсомоле, в партии — тем более, хотя ничего против этого и не имела.

Перед войной Тося познакомилась с Алексеем Спиридоновичем Мещеряковым, экономистом, из камышловской бывшей купеческой семьи, главным бухгалтером Свердловского театра музыкальной комедии. Никакие отношения между ними не завязались, хотя бы потому, что началась Великая Отечественная война и Алексей ушел на фронт. Писал ей письма, она отвечала, почувствовали друг к другу нечто романтическое. И становилось ясно, что если он выживет, то это общение во что-то этакое выльется. В войну в 1941 г. умер Тосин брат, на фронте погибла младшая сестра Нина (и теперь младшей сестрой стала она, Тося). В сорок пятом из Германии с победой, орденом Красной Звезды и медалями на груди вернулся старший лейтенант Алексей Мещеряков. В 1945 году, 6 декабря в Октябрьском районном загсе Свердловска они поженились, Тося стала Антониной Потаповной Мещеряковой. Война оттянула их женитьбу. Может быть поэтому детей у них не получилось. Ей тридцать один, ему на десять лет больше, и никаких ЭКО, хоть он очень хотел сына. Такой любящий и умеющий играть, общаться с детьми (особенно пацанами) он часто был буквально облеплен детворой. В пятидесятые-шестидесятые годы А. С. Мещеряков был зам. начальника, начальником отдела финансов Уральского Совнархоза. Пошел бы, поди-ка, и выше, но, во-первых, он не был членом партии, а, во-вторых, после Хрущева Совнархозы упразднили. И Алексея Спиридоновича отправили на пенсию. Антонина Потаповна была зам. начальника отдела труда и заработной платы института «Уралгипромет». Она, в отличие от мужа, не стала пенсионером областного (краевого) значения, но на двоих им хватало. К морю ездили постоянно, в бархатный сезон. Жили они на проспекте Ленина, недалеко от УПИ. Книжки брали читать в библиотеке им. А. П. Чехова на пересечении улиц Малышева и Гагарина. Зачитали «до дыр» небольшую книжку «Чехов, Бунин и

Куприн», чем уж она их так прельстила? Мы с родителями жили неподалеку и периодически заходили друг к другу в гости. Под ногами мягкий ковер, на стенах тикают и звенят разные часы, в вазе сладкие фрукты. В общем хорошо.

Антонина Потаповна и Алексей Спиридонович жили душа в душу.. Детей не было, но были племянники, включая и нас, внучатых. И Тосины мама Вера Венедиктовна, сестры Зоя, Женя. Братья Алексея Василий, Федор, Николай Спиридоновичи Мещеряковы.

И долго жила у тёти Тоси с дядей Алёшей любимая ими серая капризная кошка Мася.

В мае, пятого числа 1973 года Алексей Спиридонович скончался от инфаркта в возрасте 69 лет. И был похоронен в «артистической» (рядом с нашими артистами музкомедии А. Мареничем, Г. Кугушевым, М. Вискс и другими. Рядом его брат Николай Мещеряков.

Антонина Потаповна, как потом я узнал, несколько лет была народным заседателем товарищеского суда. Вроде бы ее аристократической натуре это совсем не подходило, но кто -то поначалу ее в это дело записал, и она привыкла. Думаю, что она как человек честный, справедливый, была весьма хорошим заседателем. В девяностые годы она стала чувствовать себя похуже, и мы с женой Ниной и школьницей дочкой Лизой к ней приходили, принося продукты и помогая по хозяйству. А она шефствовала над голубями, прилетавшими к ней на балкон и подоконник. Особенно выделяла голубя Гогу, Гогочку с отморозенной ножкой. Такое имя было у ее умершего в войну от истощения брата. От Георгия только и осталось одно небольшое дореволюционное фото, где он с папой сестричками совсем маленький, стоит в матроске. Она отметила с нами свои восемьдесят лет, потом восемьдесят два, приходил и мой двоюродный брат Юра Тяжёлых, понаслышке тогда пришел и двоюродный брат Алёша Котолупенко. Кое-что из своей прежней жизни тётя Тося не очень -то словоохотливо, но и не замыкаясь, рассказывала. Иногда, когда мы что -то скажем о своей молодой жизни, она, про себя припоминая свои молодые годы, тихо восклицала: «Были когда -то и мы рысаками!)).». При этом она не считала, что молодость ее отстоит от ее нынешнего возраста через какую -то толщу лет — нет, это вот, как вчера, почти рядом. Но как в поговорке: «Близко локоть, да не укусишь!»

В парке Дендрарий

Она раньше очень интересовалась новостями, политическими — в том числе, а потом как -то всё меньше. Иногда упоминала наших лидеров, как с Ельциным еще секретарем обкома сидела где -то за столом президиума. Хорошо ориентировалась в наших местных, областных политиках от Росселя до Бакова. Она была награждена несколькими медалями, по крайней мере тремя точно: «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100 -летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда» (тоже медаль). Она ушла из жизни на 83 -м году под рождество 6 января (в 15 часов дня екрб) 1997 года. И теперь на Широкой речке, 2 секция, вместе с мужем. Говорила за пару -тройку лет до этого, что умирать не хочется, но и от жизни уже никаких сюрпризов не ждет, жить приустала. Говорила, что по -хорошему завидовала сестре Жене, с ее умением жить как -то наполнено, ярко. Вспоминала свою маму и мою любимую прабабушку Веру Венедиктовну, дядю Афоню и тётичку, подруг. Говорила, что совсем не стремится дожить до двадцать первого века. Поскольку, как старые люди говорили, будет война или похожая мировая катастрофа, и мир погибнет. Это нас удивило, при том ведь, что Антонина Потаповна человек лишенный каких -то домослов, несовременных пережитков. И мы полусути раз пытались выклянчить у нее хоть какой -то оптимистичный прогноз на двадцать первый век и третье тысячелетие. Дескать, а как же наши дети. Она же эту перспективу отметала. Вроде как она покинет этот бранный мир, и сам этот мир прекратит свое существование. Довольно эгоистично такая тётинка выглядела. Даже не как во Франции Людовика 15 -го: «После нас — хоть потоп», а даже именно потоп, занавес. Пока что

двадцать первый век, несмотря на глобальные угрозы, потрясения продолжается и хочется всё же сказать об этом словами. «Dum spiro — spero! (Пока дышу — надеюсь)»

Дядя Алеша Мещеряков и его родня (Очерк тринадцатый)

Антонина Потаповна, тетя Тося, сестра маминой мамы, моей бабушки, р. 26.6. 14 г. (урожд. Тяжёлых) вскоре после войны вышла замуж и стала Мещеряковой.

А.С. Мещеряков до войны

И тети Тоси муж Мещеряков Алексей Спиридонович был человеком поистине замечательным. Высокий, сильный, дородный мужчина с острым умом и прекрасным чувством юмора, он притягивал окружающих своим обаянием и жизнелюбием.

Родился дядя Алеша 30 марта (а по старому стилю 18) 1904 г. в Камышлове, где и прошли его детство, школьные годы, юность. Всю жизнь дружил с братьями Василием, Федором, Николаем, тоже родившимися, учившимися и до молодых лет жившими в Камышлове. Затем Алексей Спиридонович учился в г. Ростове -на -Дону в Ростовском планово -экономическом институте, работал главбухом, экономистом.

С августа 1941 года Алексей Спиридонович Мещеряков прошел всю войну. Воевал на Северо -Западном, Западном и 3 -м Белорусском фронтах, старший лейтенант 47 особр 21. Был ранен. Кроме участия в боях оказывался и в отчаянных переделках, когда враг появлялся в самых неожиданных местах лицом к лицу. Дошел до Германии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и другими наградами.

В июне 1945 г. в Германии (в 1 ряду, 3 -й справа)

В конце 1945 года он женился на нашей тётке Тосе, урожденной -Тяжёлых, тоже экономисте. До войны Алексей Спиридонович работал главным бухгалтером (говорили, что администратором, может и был исполняющим обязанности) Свердловского театра музкомедии, ставшего уже тогда знаменитым на всю страну. Затем работал в Уральском Совнархозе (пр. Ленина, 51) старшим экономистом, зам. начальника, начальником финансового отдела.

Алексей Спиридонович. 1960

Они жили в центре Свердловска, на проспекте Ленина, недалеко от УПИ. Помню, когда я еще ребенком в шестидесятые годы приходил в гости к тете Тосе с дядей Алешей, мне очень нравился уют их квартиры, много часов на шкафах и стенах. Детей у них не было, хотя дядя Алёша очень хотел быть отцом, особенно мальчика. Когда мы всем семейством (мои родители и бабушка, тётя и он) ездили летом на Черное море, я много времени с ним общался, был ему вместо внука. А местных мальчишек он просто очаровывал с первых дней, про войну рассказывал, они ходили за ним по пятам буквально. Он даже про их с тетей кошку Масю серую, сердитую мог рассказать смешно. Он вышел на пенсию, был персональным пенсионером областного (краевого) значения. 5 мая 1973 его жизнь оборвал третий инфаркт, накануне Дня Победы. Помню как пришли к нам тетя Тося с сестрами и проговорила: «Всё кончено». И как вскрикнула, подбежала к ним их мама, моя любимая прабабушка. Он похоронен на Широкой речке в артистической части 2 секции (как бывший авторитетный сотрудник театра музыкальной комедии), рядом брат Николай с женой Любой. Надо было слышать рассказы дяди Алеши, я по малолетству не все помню. Рассказывал дядя и о Камышлове.

Предком нашего дяди Алеши был уральский землепроходец 17 века, тобольский дьячков сын, Мещеряков Алексей Иванович. Этот тезка и предок дяди Алеши «слободчик Мещеряков» основал в 1674 году вместе с сотоварищем своим Федором Качусовым слободу Калиновскую. В 1722 году Калиновская слобода объединяла уже 22 здешних населенных пункта. По переписи 1710 года из четырех сыновей А. И. Мещерякова старшие Пимен и Даниил, Иван были петровскими оружейниками, служили по пушкарскому делу. В 1719 году в переписи записаны пушкар Иван и Пимен, а также драгунская вдова Даниила (возможно погибшего в Северную войну со шведами) — Федосия Ивановна Мещерякова. До 1723 года Калиновская слобода входила в состав Тобольского уезда Тобольской же губернии. Есть Мещеряковы и в калиновских переписях 1745 года, 1762 и 1822 года. Четвертый сын слободчика Никита, как и Никитин сын Максим, занимались мирными делами, записаны в переписи 1762 года (РГАДА Ф. 350, Оп. 2, Д. 908. Л. 41 об. -42). В Калинове есть и ныне улица имени Мещерякова.

Дед дяди Алеши купец Абрам (Аврамий) Мещеряков был камышловским купцом. Ни капельки не еврей, это имя было нередким тогда (вспомним отчество поэта Евгения Боратынского, например). Родился в 1840-е годы, вел солидную торговлю, в основном рыбой, в 1885 году построил магазин (кирпичное здание со складом), сохранившимся и в наши дни. Это улица Торговая, 35 -а (ныне ул. К. Маркса, Памятник культурного наследия регионального значения с 1991). И дома 35 -б, 50 -а построенные в 1897 г. тоже их были.

Его сын Спиридон Абрамович Мещеряков, р. 1874, тоже был купцом, предпринимателем, жил и вел свою деятельность в Камышлове по названным адресам. Телефон номер 123. Держал собственный зверинец с медведем, муравьедом и другим зверьем. Был горячим русским патриотом и в Первую Мировую войну отдал свой дом под эвакогоспиталь для раненых солдат и офицеров. В советское время в 1929 -30 гг. с женой Александрой Дмитриевной и сыновьями переехал жить в Екатеринбург, ставший уже советским Свердловском. Прожили с женой до предвоенных лет или послевоенных даже, жили на ул. Розы Люксембург, 59, похоронены на Ивановском кладбище. Надо бы уточнить еще про них, все что -то некогда.

И сыновья их, братья дяди Алёши: Василий Спиридонович Мещеряков, симпатичный, худощавый, старший, был доцентом УПИ, Федор и Николай были инженерами. Все четверо дружили, и с женами, семьями.

Дядя Алёша мне рассказывал такую историю из уст своего деда, как в позапрошлом веке ехал тот в саних вечерней порою по снежной равнине. Ветер, вьюга и вот оглянулся он и видит, как из вьюги соткалась огромного роста женщина и идет за ним. Он, конечно, очень испугался, хлещет лошадей, испугавшихся тоже. Коня несут по снегу, а гигантская женщина делает шаг -другой и уже почти рядом... Вспомнил как надо, оглянулся и осенил себя крестным зна-

мением, прошептав что -то из молитвы. И огромная ужасная женщина исчезла, растворилась в темном небе.

В хочется, чтобы в городе Камышлове помнили своего земляка Алексея Спиридоновича Мещерякова, фронтовика, офицера и экономиста. И его родителей, предков — слободчика, оружейников, драгун, купцов Мещеряковых. Мы недавно переписывались с сотрудниками Камышловского краеведческого музея, ко мне в гости приезжал их сотрудник, экскурсовод. Вышла публикация в местной газете «Камышловские известия» 1 ноября 2025 г. «Фронтовик Мещеряков» о дяде Алеше и его семье, предках.

Мещеряков Сергей Георгиевич, родственник дяди Алеши (Очерк четырнадцатый)

Написал мне в ноябре прошлого, 2025 г. дальний родственник дяди Алеши, потомок Мещеряковых тоже от «слободчика» Сергей Георгиевич Мещеряков р. 12 апреля 1945 г., хороший, интересный человек, интересующийся родоведением, краеведением. И жена его Антонина Владимировна тоже. Мы с ними контактируем перепиской.

С.Г. и А. В. Мещеряковы

Прапрапрадед его Иван Иванович Мещеряков родился в 1815 г. и жил в слободе Калиновской. Прапрадед Георгий Иванович Мещеряков р. 1847 тоже уроженец тех мест. На фото конца 19 века видим человека средних лет в темном сюртуке с интеллигентным лицом, бородкой. У него и семьи, как видно по фото, был большой (16 окон по фасаду) двухэтажный, полукаменный дом. И его сын Семен Георгиевич Мещеряков (дед Сергея Георгиевича) тоже жил в Калиновской. Другой сын Евгений Георгиевич в 1923 году уехал в Екатеринбург, жил в районе стадиона «Динамо», был осужден в 1937, но через 10 лет вернулся живой. В детстве деды Сергея Георгиевича и он сам внешне очень похожи на дядю Алешу моего в детстве.

Отец Георгий Семенович р. 1917, занимался спортом и участвовал в чемпионате СССР по лыжным гонкам на Уктусе в марте 1938 г., воевал на фронте, был тяжело ранен, жена Антонина Кузьминична, учительница все силы приложила, а его выходила. Он потом работал в УССР главным экономистом завода, начальником ОРСа. Не стало отца в 1974 году. У С. Г. Мещерякова немало старых, старинных фотографий его родных Мещеряковых и Мухиных. Одухотворенные, симпатичные, музыкальные люди.

А сам Сергей Георгиевич Мещеряков родился 12 апреля 1945 г., в молодости руководил комсомольской стройкой и потом был активно включенным в общественную жизнь. У них с Антониной Владимировной две дочери и сын: Юлия р. 1971, Лидия р. 1974, сын Родион р. 1983, внуки. До двадцати пяти лет Сергей Георгиевич прожил в Свердловске и, хорошо зная историю города, пытается узнать ее еще лучше.

Зоя Потаповна, тетя Зоя (Очерк пятнадцатый)

Зоина мама, Вера Венедиктовна Жукова, вышла замуж за Потапа Семёновича Тяжёлых в январе 1909 года, а в декабре следующего 1910 родилась она Зоя. Высокая, худая, с пепельными волосами и голубыми глазами, прямым носом на узком красивом лице. На родителей, тоже редких красавцев, но другого рода — темноволосых и черноглазых не похожа, разве что рост в отца: он около ста девяносто, она — только на сантиметров на десять -двенадцать пониже. Высокая, в то время время для женщины такой рост был редкостью. В кого ж она откровенная блондинка голубоглазая? В дедушку по маме Венедикта Михалыча Жукова может быть, только он роста небольшого. Или в папину мать Марью Филимоновну, дядя Афоня, папин брат был скорее блондин. Когда в июле девятьсот шестьдесят восьмого года родилась ее внучатая племянница Лена (младшая сестра автора этих строк Вадика), и кое -кто из родных вздохнул: «Маленькая, вес всего 2 килограмма 750 грамм» — тетя Зоя с улыбкой парировала: «Я вон вообще родилась малюсенькая, с хлёбальную ложку!» Все от души рассмеялись, как - то даже цитировали эти слова.

Окончила 9 -ю школу, как потом и другие сестры. Тогда эту школу называли «гимназией Горького», хотя улица Горького была с другого берега городского пруда. А номер 9 тоже не всегда был, раза два нумерация менялась — №12 и еще как -то. Поучилась Зоя и в Петропавловске (впоследствии — Казахстанском). В 1919 или 1920, когда мама Вера узнала, что муж ее пропал без вести в белой армии где -то под Омском, то в Екатеринбурге оставаться у нее не стало моральных сил. Решила ехать с детьми к мужнину брату и его жене Анастасии (тётичке) в Петропавловск. И со всеми детьми, но мамины родители — Венедикт Михайлович и приемная мать Анна Григорьевна упростили ее оставить им до поры совсем маленькую Нину и страдающего эпилепсией Гогу (Геorgia). И ехать с Зоей и Женей (Евгенией), а Тося и так там живет с дядей Афоней и тётичкой Анастасией Павловной. Вере Венедиктовне в Петропавловске не очень понравилось, потянуло к родным и остальным детям, вернулись они в 1922 году. Ранее совсем молодой умерла Верина младшая сестра Таля. Может надо было еще пожить в Петропавловске, у дяди Афони на волне нэпа дела пошли в гору, он основал трастовую компанию «Товарищество Тяжёлых на вере», стал владельцем и директором нужной городу ватной фабрики. Ну да теперь уж поздно снова передумывать. Вера, бывшая барыня (добрая, сердечная) работала простой санитаркой в больнице, стирала в ледяной Исети грязные простыни дочиста, так, что руки потом не гнулись, потом была вроде как повышена до сестры -хозяйки. Дом их двухэтажный шестикомнатный — ул. Спасская, 27 — был уплотнен, они жили теперь в отгороженной фанерой четвертушке залы (не так давно красивой, высотой в два этажа, теперь же обшарпанной). В этой новоявленной Коммуналке были хорошие соседи Гребневы, они Веру и детей ее заужавали и даже полюбили, а их почти однофамилица Гребёнкина Людка всё никак не унималась, что бывшие бары тут живут среди нормальных трудящихся. И добила, что Веру с Зоей, Женей, (Тося пока с тетей и дядей в Петропавловске жила, вернулись уже в 30 -м году, когда нэп прихлопнули), Ниной и больным мальчиком Георгием были выселены в деревянный домик на Обсерваторской горке. Потом их и оттуда дальше переселили.

В первой половине тридцатых сестры все жили снова в Екатеринбурге, ставшем советским Свердловском. Женя в 1931 вышла замуж за молодого инженера -строителя Германа Клопова р. 1906, у них в семье в 1932 родился сын Виктор, а в 1939 — дочь Лилия, мама пишущего эти строки.

Зоя в апреле 1937 г.

За красавицей Зоей стал ухаживать тоже видный кавалер Петр Васильевич Котолупенко. Он родился в 1905 году в Севастополе, учился в Высшем военно -морском училище, но не окончил, был исключен за какую -то драку, стал служить в Полпредстве ОГПУ по Уралу, довольно быстро сделал серьезную карьеру, носил три шпалы в петлице (как у комполка в армии, но в ту пору в органах это называлось «капитан госбезопасности»). Петр приходил под окна Зои и вызывал ее на прогулку выстрелами вверх из табельного пистолета. Зоя не была тщеславна, но в ее возрасте, по крайней мере в первые разы, это производило впечатление. Прямо как в частушке: «Мама, мама, лей мне чаю из большого чайника. Я сегодня полюбила ГэПэУ начальника!» Они поженились. В семье 9 февраля 1937 г. родился светленький, голубоглазый мальчик Эдик.

Жила молодая семья в Пионерском районе, на Березовском тракте (впоследствии ул. Алапаевская, Блюхера), месте довольно захолустном. Потом жили на ул. Ильича. Однажды, кажется, в жаркий летний день, одна соседка лежала дома на тахте и курила. На полу в пепельнице лежали окурки. Она бросила взгляд вниз и сердце замерло. Из -под тахты показалась волосатая рука, ухватила один окурочек, затем другой. Женщину объял ужас. Как -то она всё сделала над собой усилие и прошла на кухню, надела туфли и выбежала вроде как узнать когда дадут воду. Вернулась с соседями кто покрепче. И те выволокли на свет божий нетрезвого дюжего типа, намеренного поживиться чужим добром.

Петр Васильевич занял высокий пост коменданта Уралмашзавода. Должность его называлась по -разному: начальник службы охраны, комендант, заместитель директора УЗТМ по АХР. Время репрессий не раз, видать, задело и его. Он не участвовал в расстрелах, но в этом общем деле от отдаленного содействия не увернешься. Он стал пить, недавний лоск с него сошел. Однажды Зоя, невовремя придя домой, застала его с любовницей. И выгнала, и не простила. Вроде бы тогда стала курить. Он уехал в Пермь, после жил в Москве, был разжалован. Воевал на фронте, получил орден Красной звезды, погиб в конце войны, старшим сержантом, в феврале 1945 -го, уже в Германии на пути в Берлин.

Перед войной еще у Зои появился новый муж, совсем непохожий на первого — Павел Алексеевич Кокшаров, добрейший простой человек, невысокого роста с кудрявой и какой-то всклокоченной коричневой шевелюрой. Он работал на каком-то вредном сварочном производстве мастером участка и, наверно от этого, говорил глуховатым голосом, как бы немного в нос. Или от курения, а курил он много. И выпить мог не только по праздникам.

Первый день войны застал их в парке Маяковского. Зоя с Павлом, Эдиком и Женя немного прогуляться в парке. Павлик прихватил бутылочку беленькой и нехитрой закуски. Только пришли и хотели разложить принесенное, как по громкоговорителю услышали объявление о вероломном нападении Германии и начале войны. Пospешили в ближайший продовольственный магазин, но там было уже всё сметено, зияли пустые полки.

Свердловск был, как известно, территориально далек от фронта, но дыхание голода чувствовалось. Зое звонил брат Георгий и едва сдерживая слезы просил: «Зоинька, нет ли у тебя чего покушать?» Она и другие члены семьи чем могли помогали. Но страдавший эпилепсией на крошечную пенсию Георгий не смог прокормить новорожденных двойняшек. Он и они умерли. На фронте в январе сорок третьего погибла военврач Нина. День Победы был и вправду «праздником со слезами на глазах».

У Зои с Павлом общих детей не было. Точнее был ребенок, да они его не уберегли, немного выпили, да ушли спать на сеновал на чердаке, а малыш ночью срыгнул и этим захлебнулся. Эдик со временем стал звать дядю Пашу «папой», хоть и родного отца помнил. Зоя Потаповна, урожденная Тяжёлых по первому мужу стала Котолупенко, по второму — Кокшарова.

Зоя с семьей жили на Тверитина, неподалеку от ЦПК и О, гуляли с сестрами и их детьми в парке, ходили в кино, иногда и в театры, на концерты. Коллеги звали высокую красивую Зою Потаповну почему-то Зоей Паллной, то ли для краткости, то ль для пушей звонкости. А, может, и с подачи ее самой. С юности сестры тянулись подражать тётичке Анастасии Павловне. Она надолго стала для них иконой стиля.

В 1948 -м, 15 сентября, тётичка Анастасия Павловна Тяжёлых умерла в возрасте 62 лет (в свидетельстве причина смерти: менинго энцефаломиелит). Они жили вместе с бабинькой тут, неподалеку в маленьком доме Венедикта Михайловича на углу ул. Тверитина и Мичурина. Потом и Вера Венедиктовна со своей дорогой доброй мачехой здесь тоже пожила.

В марте 1956, вроде бы, умерла и бабинька Анна Григорьевна Жукова. Пришла, приехала провожать ее вся наша близкая родня. Вспоминали ее добрый характер, говорили, что ей было восемьдесят лет, но было ей поменьше. Дом вскоре продали, Вера Венедиктовна от своей доли отказалась, разделив трем дочерям Зое, Вере, Тосе сумму поровну.

У Зои с сестрами даже подружки были общие. Есть фото еще молоденькой Лены Королёвой, дочери петропавловского предпринимателя и благотворителя Ивана Ефимовича Королёва с дружеской теплой надписью Зоиньке (она Приезжала в Петропавловск и летом 1929). Хотя, вроде, Лена была Тосиной подругой. Но подруга Зои Лёля (Ольга) Гарус была только её. Лёля почти не расставалась с гитарой, играла и пела красивым голосом. И сама была яркая, черно-волосая и черноглазая, чуть смугловатая и чуть прихрамывающая Лёля, работала в медицине, воспитывала сына Лёвочку, ровесника Эдика. Но Лёвочка сюда не приходил, хотя они жили рядом, через дом, поближе к парку Маяковского. Предеины тоже были друзья Зои и Жени, жили тоже около Парка культуры.

Наступили шестидесятые годы. Вера Венедиктовна к старшей дочери приезжала часто. Зою ласково звали Зюней. Дом Зои на ул. Тверитина двухподъездный, деревянный двухэтажный именовался «стандартным домом», но люди называли его и ему подобное жилье просто «бараками», что было вернее. точнее. Квартира была на первом этаже. Эдик вырос, стал мужчиной: желтоволосый, голубоглазый, белокожий, худощавый, он стал очень смахивать на голливудского актера, этакого мачо рубежа пятидесятих и шестидесятих. Увлекался музыкой,

особенно саксофоном Армстронга и других свингующих заокеанских джазменов. Впрочем напевал себе под нос и отечественные шлягеры: «а может ты забыла мой номер телефона, — так перестань смеяться и позвони скорей..!» Учиться после школы дальше не захотел. Работал подсобным рабочим в трех хлебных магазинах, говоря, что без надрыва получает больше молодого инженера уже раза в полтора. Костюмы в ателье заказывал по собственным рисункам, сам немного шил. Женился на красивой белокожей брюнетке Раисе Андреевне р. 16 июня 1940, работавшей на «Уралобуви». В семье в августе 1960 г. родился сын Алёша Котолупенко, впоследствии вузовский работник, специалист по рекультивации земель. Мама Зои Потаповны, прабабушка Алёши Вера Венедиктовна любила поиграть с правнуком, рассказать о нем, веселые моменты освоения мальчиком окружающего мира. Но потом Раиса от Эдуарда ушла, забрав сына, вышла замуж вновь, за судью, и с новым мужем, сыном уехала на север.

Зоя Потаповна Кокшарова любила творчество певца Николая Сличенко, иногда могла и подпеть за столом что-нибудь вроде «Хороши вечера на Оби», поиграть на досуге с сестрами в лото, являла собой скептика и оптимиста в одном лице. Она была не из робкого десятка, но с детства боялась грозы, не всякой, а сильной. И когда гроза уж особенно начинала бушевать, и небо меркло — могла даже залезть под стол. Страхи детства, сохранившиеся до преклонного возраста. Такая высокая, пожилая женщина. Предпочитала курить папиросы «Любительские». Она иногда курила, закинув ногу на ногу, на венском стуле весьма живописно, графично. И была в это время, пожалуй, действительно Зоей Паллной. В доме у них жили две собаки — Найда и ее сын Тузик, белые болонки. От того, что болонки эти жили на первом этаже и постоянно пропадали на улице, они были совсем не такими, как присуще их породе, изнеженными пёсиками, а закаленными под ветрами и дождями крепкими полудворовыми собаками. Над ними иногда любя смеялись, с ними дружили, хозяева и их питомцы были верны друг другу. Николай Сличенко ей нравилось как пел. Помню, рассказывала анекдот от имени китайца, времени еще, поди-ка, гражданской войны: «Сизу, пью цай. Стуцят, открываю дверь, спрашивают: Ты за белых или за красных. Не знаю, как надо? Говорю: за красных. Они снимают с меня станы, надирают попу. Больно! — Сизу, пью цай. Стуцят, открываю дверь: Ты за белых или за красных? Говорю: за белых. Снимают с меня станы, надирают попу. Очень больно! — Сизу, пью цай. Стуцят. Снимаю станы, открываю дверь. Здравствуйте, гости пресли!»)))

Зоя Потаповна в 1970-е

В начале семидесятых тетя Зоя с дядей Пашей и Эдиком переехали в новую квартиру со всеми удобствами. Это было дальше от центра города, и мы стали видеться реже, встречаясь на общих семейных праздниках у средней тети Зоиной сестры Евгении Потаповны.

Она пережила мужа Павла Алексеевича на тринадцать лет. А сама ушла в мир иной пятого октября восемьдесят шестого года в возрасте семидесяти шести лет, точнее немного не дожив до него. Тогда я, к сожалению, не смог приехать с ней проститься.

Зоя Потаповна, дорогая тетя Зоя, мы помним вас. И написанное этому тоже подтверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.